

Владимир Михайлов
Королевы Маргины

«Автор»

2009

Михайлов В. Д.

Королевы Маргины / В. Д. Михайлов — «Автор», 2009

Убит президент транснациональной корпорации «Маргина Гравин» Рик Нагор. За подозреваемой далеко ходить не надо – вот она, Зора Мель, сотрудница и возлюбленная Нагора, именно ее обвиняют в этом жестоком преступлении. Тот, кто мог бы докопаться до правды, дознаватель Лен Казус, попадает под выстрел неизвестного снайпера при осмотре места преступления. Вроде бы все ясно. Дело закрыто? Нет. Ведь есть еще загадочная планета Маргина, где творятся совершенно необъяснимые вещи, где сталкиваются интересы миллионов людей и амбиции политиков и военных, где до поры до времени скрыты ответы на очень непростые вопросы. Именно из-за нее все и случилось. И она свое последнее слово еще не сказала...

© Михайлов В. Д., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава начальная	7
1	7
2	8
3	9
4	11
5	14
6	16
7	20
8	22
9	23
10	27
11	28
12	30
13	32
14	33
15	36
16	38
17	40
Глава, следующая за предыдущей	44
1	44
2	46
3	47
4	52
5	54
6	57
7	64
8	66
9	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Владимир Михайлов

Королевы Маргины

Когда я начинал эту книгу и в том пространстве, в котором возникают книги, впервые встречался с людьми, коим предстояло стать действующими лицами, мне представлялось, что героиня замышленного повествования окажется красивой молодой женщиной с твердым характером, спортивного типа, хорошо тренированной, достаточно упрямой, чтобы с успехом противостоять тем жизненным сложностям и неприятностям, через какие ей придется пройти. Было ведь ясно, что придется, иначе (полагал я) о ней незачем было бы и писать. Ей, по моим замыслам, следовало уже обладать немалым жизненным опытом. Почему-то под этими словами всегда подразумевают опыт отрицательный, количество бед и препятствий, какие пришлось переживать и преодолевать в прошлом, хотя – если подумать – опыт счастливой и спокойной жизни для человека никак не менее важен. Не имея его, нельзя и представлять в реальности то, к чему мы стремимся, можно лишь в мыслях воображать такую жизнь. Но воображение всегда заводит нас слишком далеко. И когда мы понимаем, что практически его плоды так и останутся лишь фикцией, мы вместо удовлетворения тем, достичь чего все-таки удалось, ощущаем лишь разочарования и таким образом сокращаем срок своего пребывания на этом свете – потому что (я в этом уверен) на все время жизни нам отпущено известное число разочарований, и чем скорее мы эту квоту исчерпаем – тем быстрее доберемся до конечной станции. Впрочем, по мнению многих, она может оказаться всего лишь пересадочной, но даже и в таком случае спешить туда вряд ли следует.

Так вот, эта женщина виделась мне именно такой – светловолосой, с глазами почему-то серо-зелеными, немного порывистой в движениях и обладающей обаянием силы, а никак не слабости; человеком, ищущим не широкой спины, за которой можно укрыться, но наоборот, взыскующей такого партнера, что сам будет нуждаться в ее защите. А кроме того – логически и трезво мыслящей, умеющей вовремя почувствовать обман и разгадать направленную против нее комбинацию. То есть я хотел увидеть женщину-лидера, заранее представляя себе, с каким удовольствием стану о ней писать.

Однако этот образ как раз и оказался плодом моего воображения, действительность же – как это чаще всего бывает – подставила мне совершенно другого человека, а именно – женщину, правда, тоже молодую и никак не некрасивую, но совсем иного типа: невысокую, с темными волосами, но не то чтобы жгучую брюнетку, скорее, что называется, пухленькую, нежели стройную, скорее робкую, нежели решительную, и никоим образом не похожую на человека, способного отстаивать свои права и потребности не аргументами в зале суда, но в физической схватке – при помощи оружия или даже голыми руками. По сути дела (показалось мне) я встретил не героиню, но ее противоположность, антигероиню, если угодно.

И тем не менее у меня возникло весьма четкое ощущение: если я не пожелаю воспользоваться этим знакомством, то другого мне предоставлено не будет и возникший замысел реализовать не удастся. То есть мне было сказано почти точно словами, давно уже ставшими историческими: «К сожалению, других героинь для тебя у меня нет – работай с этой или не работай вообще».

Я бы и не стал; но, к сожалению, очень скоро убедился в том, что не работать я разучился давно и бесповоротно. Такой была жизнь – такой она и остается.

«Ладно, – так подумалось, – встречусь, хоть погляжу на нее вблизи, а дальше видно будет».

Не тут-то было. Там, где я рассчитывал – и еще недавно мог бы найти ее, этой женщины больше не оказалось. Исчезла.

Я попытался навести справки у людей, на которых мне указали как на знавших ее. Одного-другого нашел в Сети. И от них услышал:

«Инфоры читать надо. И визию смотреть – хотя бы время от времени. Тогда не станешь задавать глупых вопросов».

Совет показался мне разумным, а главное – был он единственным. Что же: за неимением, как говорится, гербовой пользуйся туалетной.

Инфоров в Сети, как вы и сами знаете, хоть пруд пруди. Я начал с солидных, официозных. С нулевым результатом, чего, собственно, и следовало ожидать. Они оперируют галактическими масштабами, одна маленькая женщина может заинтересовать их и заслужить упоминания о себе только в случае, если она, скажем, окажется любовницей президента, и то возглавляющего не какой-нибудь скромный мирок на окраине обитаемой вселенной, но человека, олицетворяющего собой один из великих миров, определяющих бытие и сознание Галактической Федерации; любовницей или, скажем, его убийцей. Похоже, что маленькое существо по имени Зора Мель (считайте, что я ее вам представил) до таких высот не поднялось. Искать ее, видимо, следовало в менее глубоких водах.

Так я и поступил – и достаточно быстро докатился до инфоров, что не назовешь иначе, как только «желтыми».

Конечно, любую информацию, почерпнутую в таких источниках, приходится многократно фильтровать, или, если угодно, просеивать, или – еще точнее – разрывать (затыкая нос) известную кучу в поисках жемчужного зерна. Если вы трудолюбивы и не очень брезгливы – найдете. Что в принципе и произошло.

За сим позвольте откланяться. Потому что я удаляюсь на свою авторскую кухню, где займусь весьма интимным процессом стряпни, вам же предоставляется право воспользоваться ее результатами. И будьте здоровы. И живите до ста двадцати лет.

А впрочем – это я так думаю, события же происходят независимо от моего желания, и мне, как и любому автору, остается лишь записывать их, стараясь не слишком грешить против истины.

Глава начальная

1

Мир, называемый «Неро», 3 меркурия 127 года

Особняк в зеленом районе столицы. Открытая веранда. Самое таинственное время суток: сумерки. Час шорохов и запахов, фантазий и неожиданных признаний, нежности и углубления в себя, расслабления – но и крутых решений.

– Рик! – сказала Зора. – Знаешь, я боюсь. Мне очень страшно.

– Еве было страшней. – Кажется, мужчина не воспринял сказанного всерьез. – Однако родила благополучно – хотя акушеров в те времена не было.

– Ты ведь понимаешь, – добавила она после паузы, – я не этого боюсь.

– Чего же? Что скажут люди? Ничего, кроме поздравлений. Все устроено. Соединение судеб состоится ровно через неделю. Так что есть время пригласить гостей. Кого бы ты хотела?

– Собственно, никого... кроме сестры, конечно. Если ты не против.

– С какой стати?

– Ну, мало ли. Не твоего круга...

– А я не в круге живу, – Рик улыбнулся, – а в шаре. Не в плоскости, а во всех измерениях сразу. И тебе это, кстати, известно лучше, чем любому другому. Хочешь меня обидеть?

– Хочу. Потому что я говорю серьезно, а ты все превращаешь в шутки. Знаешь ведь, что не роды меня беспокоят.

– Что же, – сказал он уже серьезно. – Будем делать все, что возможно. Не пожалею никаких денег – а за деньги все достижимо.

– Да? А что, у Смеды денег было меньше? Помогли они ему? Его сыну?

– Ну, – Рик нахмурился, – против судьбы и президенту Федерации не устоять.

– Ты ведь только что встречался с ним – там, на Теллусе, верно? Почему не поговорил с ним об этом? Он не может не знать, что беда все ширится!

– Говорил.

– И... ничего?

– Не волнуйся. Для тебя, ради нашего... не только денег не пожалею, все, что только мыслимо, сделаю, чтобы... Так что – готовься. Наряд заказала?

– Шьют. Рик, все мыслимое – мне этого мало.

– Что же еще?

– Немыслимое.

Рик Нагор помолчал.

– Хорошо. И все невысказанное.

2

Неро, того же 3 меркурия

Инфор «АБ» (расшифровывается как «Аналитик Бытия») отметил в своем утреннем выпуске:

«Президент Федерации Юлиан Смед вчера посетил с кратким визитом мир Симоны, где в его присутствии был открыт построенный на его средства детский городок, названный «Алик» в память сына президента, скончавшегося, как все помнят, 17 плутона минувшего года в возрасте шести месяцев. Все усилия медиков предотвратить печальный исход оказались тогда безуспешными. В своем кратком выступлении перед детьми, их родителями и персоналом «Алика» президент выразил надежду на то, что именно в учреждениях, подобных новому городку, снабженных самым современным лечебным и исследовательским оборудованием, уже в скором времени будут найдены эффективные средства борьбы с недугом, омрачающим не только настоящее, но и будущее всего человечества. Собравшиеся в свою очередь высказали президенту свои глубокие соболезнования по поводу утраты им горячо любимого ребенка. Вечером президент по правительственному ВВТ возвратился в свою резиденцию».

Сетевой инфор «Дни нашей жизни», передав ту же информацию, не удержался от язвительного примечания:

«Всем известно, что является причиной недуга, грозящего людям вымиранием: сама цивилизация. Но средства борьбы с нею вряд ли будут найдены в «Алике» и других подобных детских городках. Сказать где? А вы спросите у ученых из «Продолжения»!»

3

Неро, дом Нагора, 7 меркурия того же года

– Ты чувствуешь себя счастливой, младшенькая?

– Наверное, да, старшая. Или – почти да. Если бы не страх... ты знаешь, чего.

Так они стали называться с самого начала, с рождения: старшая и младшая. Первая появилась на свет сорока минутами раньше второй.

– Знаю, Зо. Сколько уже?

– Третий месяц кончается. Я пытаюсь что-то придумать, найти... Не переживу, если он погибнет так же, как все другие в последние годы.

– Ну, не все же погибают.

– Ты не знаешь статистики, Са. Семь из десяти – в первые шесть месяцев жизни. Потом, правда, ситуация улучшается, дожившие до двенадцати месяцев имеют хорошие перспективы. Но эти первые полгода... ужас, просто ужас. Когда думаешь об этом – прямо не хочется рожать. Хотя – надо.

– Ну, Рик сделает все возможное, и ему многое по силам. Президент «Маргина Гравин» – это почти то же, что президент Федерации.

– Президент Федерации недавно сам пережил такое.

– Да, правда. Прости.

– Рик бы смог, конечно, многое. Если бы знать только – что. Но ведь никто не знает!..

– Как сказать, младшая. Знать как раз многие знают. Или догадываются. Но это как бы не подлежит обсуждению. Безопасностью никто не пожертвует. И люди ищут другие пути. Пока не нашли, но у тебя еще полгода впереди – не так мало.

– Ладно, говорить об этом бессмысленно, никто никому ничем помочь не может. Расскажи лучше о твоих делах. Как у тебя с тем парнем?

Старшая грустно покачала головой:

– Ответ простой: никак.

– Не понимаю. Все, кажется, у вас было хорошо...

– Очень. Так я считала. Но ты знаешь, как это бывает. В один прекрасный – или ужасный, если хочешь – день он исчез, и все. А я ведь толком даже не знала, где и кем он работает – или служит. Нам так прекрасно было вдвоем, что до этого разговор как-то не доходил, ни я его, ни он меня даже не успели спросить о таких мелочах. Жили взахлеб, сейчас просто не верится, что мы были знакомы так недолго. Такое вот наше время.

– Не верю, что ты не пробовала отыскать его.

– Еще бы! Я облетела всю Галактику, забиралась на такие окраины, о которых раньше и не подозревала, что они существуют – вовсе дремучие мирки есть, оказывается, на свете. Просадила на это все свои заначки: удовольствие оказалось дорогим. Но без толку: нигде ни следа. Испарился. Пришлось вот вернуться на родину, надо как-то приходить в себя, да и на жизнь нужно зарабатывать.

– Каким способом?

– Ты ведь знаешь – я человек без предрассудков. Ничего, выплыву.

– Старшая, возьми у меня – я теперь, как ты понимаешь, не нуждаюсь.

– Зо, ты же помнишь: в долг не беру, а без отдачи – тем более. И впредь этой темы не поднимаю.

– Ладно. Хотя и глупо. Грустишь?

– Не то слово.

– Что же, он не оставил ни словечка, ни единого намека? Даже если вдруг разлюбил, он мог бы... даже обязан был...

– Знаешь, Зо, в это я не верю. Я бы почувствовала. Тут что-то другое. Скорее всего, он ввязан в какую-то жесткую систему, которая им вертит. Вот и приходится только вспоминать и тосковать. Хорошо, что на это почти не остается времени: надо крутиться. Этим пока спасаюсь. Ничего, отсижусь тут – а там видно будет.

– Было хоть интересно – там, куда ты летала?

– Местами. На Маргине, например, было любопытно, даже очень.

– Постой. Ты сказала – Маргина?

– Ты верно расслышала.

– Да ведь это мир моего Рика – его компании. Если ты была там, то не могла не соприкоснуться с его людьми хотя бы.

– Я там не очень-то спрашивала, кто чей человек. Меня интересовало только, появился там Рогнед или нет. К сожалению, всегда отвечали: «Нет». Но из того, что я там видела, тебе кое-что может показаться интересным.

– Расскажи, Са.

– Да мне пора уже. Ладно, очень коротко.

– Пусть коротко, а подробнее расспрошу тебя на свадьбе – найду время. Ты не забыла – через четыре дня, одиннадцатого. Как только Рик вернется из поездки. Знаешь, мне даже как-то не по себе: он впервые за все время уехал без меня.

– Что удивительного: теперь ты невеста, а не просто сотрудник.

– Не поэтому. Там что-то совершенно секретное, решающее опробование чего-то. Связанное с риском. И я беспокоюсь. Ты не могла бы остаться у меня на эти дни?

Старшая покачала головой:

– Очень жаль, но никак не получится. И свадьбу, сестричка, будешь праздновать скорее всего без меня.

– Ты что, серьезно? Хочешь меня обидеть?

– Брось, Зо. Просто возникла – не сглазить бы – маленькая, крохотная, но все же надежда найти след моего беглеца. Ты поймешь – и простишь, надеюсь.

– Подумаю. Так что там у тебя – коротко? Насчет Маргины?

– Вот слушай. Ты говорила, что Рик обещал сделать для тебя, для ребенка даже невыносимое? Так вот...

Зора слушала, от удивления приоткрыв рот. Интересно, очень интересно, очень-очень...

4

Астероид Улус, 8 меркурия по временной сетке Неро

Каменный астероид, максимальный поперечник – тридцать пять километров, минимальный – пятнадцать.

– Мрачные места, – проговорил Рик Нагор, медленно поворачивая голову в прозрачном шлеме, сканируя взглядом окружающее. – Соответствуют замыслу.

– Так и выбирали, – откликнулся его спутник, одетый в такой же скафандр – только на плече его виднелась эмблема Федерального Космофлота, в отличие от Нагора, чей костюм украшали переплетенные буквы М и Г, то есть логотип хорошо известной в мирах Федерации фирмы «Маргина Гравин». – Чтобы не особенно жалеть.

– Разумно, – согласился президент МГ. – Программу пройдете полностью?

– Так точно, – ответил военный. – Пункт первый: живая сила, группы и отдельные фигуры, второй – тяжелая техника, третий – высокая техника, и под конец четвертый – сильно укрепленная позиция.

Сквозь шлем было видно, как Нагор слегка кивнул.

– В таком случае приступайте, – распорядился он.

– Слушаюсь. Разрешите сопроводить вас на НП?

– Жаль, что отсюда нельзя посмотреть.

– Теоретически можно, однако риск выше допустимого.

– Надеюсь, исполнители хорошо укрыты?

– Господин президент!..

– Отлично знаю, но обязан был спросить. Хорошо, ведите.

Пришлось наблюдать не в натуре, а на мониторах, как отработали испытывавшиеся изделия. Все прошло без сучка без задоринки. Наблюдатели не особенно удивлялись тому, что от «живой силы» (чью роль играли традиционные овцы и свиньи), выступавшей и в группах, и поодиночке, крохотные пули с гравиначкой оставляли мокрое место – не в фигуральном, а в самом буквальном смысле слова. Преимущество их перед более привычными средствами поражения заключалось в том, что теперь не обязательно было попадать в цель; пуле оказывалось достаточно пролететь на расстоянии от метра до трех (в зависимости от калибра и начальной скорости) от цели – и горошина с начинкой, откликнувшись на ничем другим не уловимое изменение напряжения гравитации, срабатывала, миллиграммы гравина в ней высвобождали свою энергию, масса цели мгновенно возрастала на три порядка, порой даже до пяти – и, конечно, никакая живая или мертвая конструкция такой перегрузки не выдерживала, превращаясь в кашу, в лужицу. И это при том, что находились животные, конечно, под силовым куполом, где можно было дышать; для пуль это поле не было препятствием, что также было отмечено со знаком плюс.

Но это, повторим, особого впечатления не произвело по той причине, что предстоящая война (а для людей военных все времена делятся на военные и предвоенные, третьего не дано) вовсе не представлялась схваткой людских масс, и даже не войной моторов виделась, не такой, какие случались в конце второго и начале третьего тысячелетия по Федеральному летоисчислению, но противоборством высоких и высочайших технологий, в которых уже не «интеграл дышал», как сказано поэтом, но совершенно заумные для нормального обывателя математика и физика – чьими результатами тот же обыватель охотно и широко пользовался, не вникая в суть вещей. Это был противник номер один, а силовые устройства доставки и использования шли под номером вторым, третье же место оставалось за средствами защиты, призванными сохранять и защищать первые и вторые номера. Испытания на этих объектах поэтому вызывали куда больший интерес.

Наблюдатели получили полное удовлетворение. Тонкая техника превращалась в полупрозрачные, с прожилками, лепешки, от структуры кристаллов не сохранялось и следа; от тяжелой машинерии оставались металлические моноблоки, и невозможно было различить, где кончалась одна бывшая деталь и начиналась вторая, они просто прорастали друг в друга. А что касается оборонительных укреплений, то на их месте зияли пропасти: под своим новым весом массивнейшие сооружения просто проваливались, хотя не на почве были сооружены, которой здесь не было, а на скальной основе, поскольку весь этот астероид и был громадной скалой. Вряд ли нужно пояснять, конечно, что по этим объектам стрельба велась уже не пулями и гравина для того, чтобы снаряжать эти бомбы и снаряды, требовалось куда больше. Военный человек, руководивший испытаниями, так и сказал Рику Нагору – уже потом, конечно, когда они находились на борту военного корабля, возвращаясь на Неро:

– Сколько бы вы его там ни нарыли, гравина, нам все равно будет мало. О таком рынке, господин президент, можно только мечтать.

– Вы имеете в виду, конечно, гравин «Б», – уточнил Нагор.

– Разумеется. Мы его называем «военным».

Нагор не нахмурился и не улыбнулся. Лицо его оставалось совершенно бесстрастным, когда он отвечал:

– Хотелось бы обещать. Однако возникают большие сложности. Возможно, на некоторое время придется даже приостановить добычу. Так что вам сейчас вряд ли стоит планировать массовое производство гравин-оружия.

– Ну, вы-то с этим справитесь. А в случае чего – только подайте сигнал, мы вам поможем любым способом – а их у нас немало. Деньги, люди, влияние, авторитет. Да, собственно, мы уже...

Тут генерал с разбегу умолк.

– Вы?..

– Ну, я хотел сказать лишь, что с таким оружием мы можем и успешно противостоять любому нападению, и убедительно на него ответить. Прекрасное, откровенно говоря, ощущение.

– Командующий, а чьего нападения вы ожидаете?

Военный нахмурился. Проговорил сухо:

– Для всяких вооруженных сил существование противника является аксиомой. Если сейчас он и не проявляет себя, все равно: он может возникнуть внезапно, в любой миг. Так же, как для вас постулат – существование покупателя тех изделий, которые вы еще только начинаете производить: сию минуту его нет, но он неизбежно появится.

– А вас не пугает возможность утратить контроль над гравин-оружием? Над его производством и продажей? Ведь технология его достаточно проста, было бы сырье. И можно создавать его такой мощности, что начнут коллапсировать целые миры. Не пугает?

– Вижу, сегодняшние результаты произвели на вас сильное впечатление. Неудивительно: вы человек гражданский. Нам же, военным, вообще не свойственно пугаться. Тем более – призраков. Так что не волнуйтесь: мы способны защитить все – и собственное оружие в том числе. Полагаю, интересы защиты Федерации вам не чужды, или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Я всегда руководствуюсь этими интересами. Хотя порой не вполне их понимаю. Почему, например, вы добились правительственного постановления о запрете присутствия женщин на планете, на которой мы ведем добычу?

– Потому что это сразу же привело бы к массовому заселению этого мира.

– Что же в этом плохого?

– То, что это шло бы вразрез с нашими планами использования этой планеты в ближайшем будущем.

– Интересно. Боюсь, что мне ничего о них не известно. А ведь планета арендована компанией самое малое на тридцать три года...

– Вот я и ставлю вас в известность – неофициально, разумеется. Понимаете, получается слишком накладно – возить гравин в те миры, где расположены предприятия оружейников. Мы посоветовались с ними и решили, что куда разумнее построить два-три таких завода там же, а это, как вы понимаете, высший уровень секретности. Ну и, естественно, для их охраны придется разместить там серьезную базу. Сейчас там только маленькая рубежная застава, вы в курсе. Так что вам придется немного потесниться. Но ведь интересы безопасности важнее, не так ли?

– Конечно, безопасность – дело серьезное.

Военный кивнул в знак того, что именно в таком ответе был заранее уверен. Правда, ему показалось, что в голосе президента компании не чувствовалось такого энтузиазма, какой всем окружающим, и в первую очередь военным, хотелось бы слышать. Но скорее всего это им лишь почудилось.

5

Неро, дом Нагора, 9 меркурия

– Рик, ты говорил, что готов сделать все возможное и невозможное, чтобы наш сын – или дочь, я еще не уточняла...

– Поверь: я делаю.

– Как твоя доверенная сотрудница (произнося эти слова, Зора улыбнулась, но в глазах по-прежнему жила тревога), хочу сообщить тебе дополнительную информацию – по-моему, важную. Можно?

– Сотрудница могла бы и подождать. Но жена не может. Я слушаю.

– Дело в том, что там, на Маргине, ну, там, где твои рудники...

– Я знаю, что там находится. И так?

– Наверное, ты знаешь не все. Вот послушай...

Рик Нагор слушал внимательно, чуть склонив голову, при этом смотрел на Зору так, словно все не мог наглядеться досыта. Он и сам удивлялся этому – никогда раньше с ним такого не случалось, хотя от женщин он и прежде не бегал, но были они лишь средством расслабления, приятным времяпрепровождением, даже увлекательным – но только в часы, которых не требовала работа. И вот попался вдруг, началось с ним такое, во что он, с ног до головы деловой человек, раньше не верил, считал, что все подобное всего лишь придумано пишущей и снимающей братией, просто для того (как и вся их продукция), чтобы сделать жизнь забавнее. Оказалось, однако, и на самом деле существует то, что у них называется любовью. Что порой заставляет даже делать недопустимое: красть время у дел компании и тратить его на общение с женщиной. В последнее время он перестал, например, серьезно вникать в политику компании в области разведки запасов гравина на вновь открываемых мирах, в частности – гравина «Б»...

– Прости, повтори, пожалуйста, я не совсем понял.

– Ты что, не слушаешь меня?

– Слушаю. Но еще и смотрю, а это...

– Тогда ответь.

– Ну извини, пожалуйста. Значит, ты сказала, что она там...

– Вот именно. И женщины ей рассказывали прямо-таки взхлеб: понимаешь, ни одного случая за все время, что они находятся там! Вот я и подумала: а если ты...

Зора рассказывала еще минут пятнадцать; Рик слушал, более не отвлекаясь. Когда она выговорилась наконец, заключив вопросом: «Ну, что ты об этом думаешь?», – он покачал головой, но еще секунду-другую молчал, словно в поисках нужных слов. Наконец произнес медленно, как будто взвешивал каждый звук перед тем, как родить его:

– Это досадно.

Зора ожидала любой реакции – кроме этой.

– Досадно?! Других слов у тебя не нашлось? И это после того, как...

В голосе ощущались близкие слезы. Рик прервал ее движением руки:

– Постой. Дослушай сперва. – Он снова взял паузу. – Не то досадно, о чем ты узнала и рассказала. А то, что эта информация уже пошла по свету. А это может привести к ненужным сложностям.

– Можно подумать, что ты знал об этом и раньше.

Он улыбнулся – не очень весело.

– Куда бы я годился, если бы такое прошло мимо меня? Знаю достаточно давно. И не первый день об этом думаю. Но то, что тебе рассказали, – это всего лишь внешняя, так сказать, сторона. Первый взгляд. Может показаться, что достаточно подать команду – и все решится наилучшим образом.

– Разве не так? И ты ведь главный в фирме, ты владелец! И если распорядишься...

– Я, если можно так сказать, первый среди главных. И никак не самодержец. В деле много людей, в том числе очень серьезных. Их мнением никак нельзя пренебрегать. А главное – в него вложены громадные деньги, не только мои. И еще важнее то, что наша продукция, известный тебе гравин, необходим всей Федерации, а главное – военным, потребность в нем все растет, цены – тоже, а с ними и прибыли. Вдруг отказаться от всего этого просто невозможно.

– Что же, значит, то, о чем я тебе рассказала, никак нельзя использовать? Рик, ты только начни – и на твою сторону встанут все женщины Федерации, все матери – да и немало отцов!

– Знаю, Нежик, знаю (такое неуклюжее имя он придумал для нее, от слова «нежность»). Зато против – все правительства, все потребители гравина, то есть войска и службы, банки и биржи, могучие трансгалактические фирмы... Я мог бы потягаться с каждой в отдельности – но уж не со всеми сразу. Вот почему, чем меньше людей об этом знают, – тем для нас лучше.

– Не понимаю почему. Если об этом узнают народы...

– То узнают и правители, все те, о ком я только что говорил. И твою идею задушат практически мгновенно. И так профессионально, что никто в Галактике даже и не заметит.

– Рик... – Слезы уже не только слышались в голосе, но и блестели в глазах Зоры. – Что же, по-твоему, получается, что эту возможность нельзя реализовать? А младенцы пусть себе мрут по-прежнему?

– Стоп. Разве я сказал что-то подобное?

– Буквально – нет. Но ты подвел к такому...

– И не собирался. Я лишь объяснил тебе обстановку. И ты, думаю, поняла, что прежде, чем делать такой шаг, его надо очень серьезно подготовить. Чтобы шаг был – вперед и вверх, а не вперед – и в пропасть с обрыва.

– Рик, значит, ты считаешь, что это все-таки можно сделать?

– Я не думаю, Нежик, я делаю. Уже делаю.

– Странно. Я ничего не заметила.

– Значит, я делаю это достаточно хорошо. Надеюсь, что и другие пока еще ничего не почувствовали, не пронюхали.

– И ты это сделаешь?

– Я ведь обещал: сделаю возможное и невозможное, разве нет?

– А что-то уже удалось?

– Безусловно. Я начал это почти год тому назад, когда у нас с тобой такой проблемы не было...

– Вообще «нас с тобой» еще не было: ты был сам по себе, я – тоже.

– Именно. Просто тогда уже было ясно, что какие-то меры надо предпринимать, и как раз тогда я узнал то, о чем ты сегодня мне рассказала...

– И ты не сказал мне ни слова? Хотя я уже столько времени работаю у тебя!

– Работала. До вчерашнего дня.

– Рик, я так люблю тебя!

– Не больше, чем я. Все, разговоры окончены. В преддверии супружеской жизни надо не разговаривать, а...

– Рик, что ты делаешь!

– Сказать тебе, как это называется?

6

Неро, офис компании «Маргина Гравин», 9 меркурия

Похоже на то, что главной и единственной проблемой, волновавшей население не только Неро, но вообще всей Галактической Федерации, кроме разве что людей военных, была проблема детской смертности, за последний десяток лет ставшей и на самом деле угрожающе высокой. Однако деловых людей – спинной хребет любого общества – куда больше волновали другие материи.

Скорее всего потому, что производство потомства является хотя и неизбежной, но далеко не самой прибыльной отраслью деятельности, относясь вернее всего к области малого семейного предпринимательства, никак не определяющего направление, скорость и техническое развитие цивилизации. Странно, но методика этого производства до сих пор мало чем отличалась от способа, применявшегося еще в глубокой древности и, похоже, не предусматривала никаких кардинальных улучшений – а следовательно, не требуя серьезных вложений и не обещая значительных дивидендов, просто не могла сделать воспроизводство людей сколько-нибудь важной отраслью технoэкономической цивилизации. Одно время казалось, что клонирование позволит как-то технологизировать производство, однако людские массы, видимо, еще не дошли до понимания необходимости такого шага, и пришлось отказаться от него – во всяком случае, на какое-то время.

Так что серьезных людей сейчас волновали вопросы совершенно другие. А руководители «Маргина Гравин» были деятелями очень серьезными – иначе они и не занимали бы таких постов в столь важном и процветающем предприятии.

Это чувствовалось и по ходу очередного заседания правления уже названной выше компании, в котором участвовали также и члены директората – иными словами, все те лица, что определяли политику «Маргина Гравин».

– Итак, я хочу слышать, в каком состоянии наши дела по увеличению добычи продукта за счет выявления и разработки новых источников. Некоторые обстоятельства, вам в основном известные, вынудили меня в последнее время не контролировать эти отрасли. Как вы знаете, записи не ведется, так что можете говорить откровенно, называя вещи их именами. – Рик Нагор сразу перешел к делу.

Профессор Яр Ганиф, обладавший титулом федерального советника и занимавший в компании пост первого вице-президента, курирующего, кроме прочего, такие принципиально важные подразделения фирмы, как отделы разведки и строительства, гулко откашлялся, прежде чем начать:

– Во исполнение разработанной программы за отчетные три месяца нам удалось не только выйти на обусловленные рубежи, но и значительно преодолеть их. Это стало возможным благодаря тому, что было открыто обширное, не уступающее даже Маргине месторождение, крайне удобное для разработки. Сейчас в сверхсрочном порядке ведется работа по оборудованию прииска, однако первая продукция уже получена и начала поступать к потребителям. Речь в данном случае идет именно о марке «Б». Военной.

– То есть потребителями являются федеральные службы.

– Разумеется, президент.

– Тогда я понимаю, почему никаких официальных известий об открытии и начале добычи продукта не появилось ни в одном инфоре, включая закрытые государственные. Вы пока просто не заявили об этом официально, не так ли? Коллега Рен, а что думает по этому поводу юридическая служба компании? Не рискуем ли мы быть обвиненными в нарушении и Закона о правах на вновь открываемые миры, и Положения об эксплуатации новых месторождений? Надеюсь, нами не допущено каких-либо серьезных нарушений?

Доктор Агут Рен, глава правового отдела «МГ», ответил уверенно:

– Не только серьезных, президент, но и вообще никаких. Говорю это со всей ответственностью.

– Вы уверены? Спрашиваю потому, что сказанное профессором означает, кроме всего прочего, что мы, насколько понимаю, не заплатили ни дикона налогов с прибыли, полученной при продаже продукции из нового мира? Не так ли? Ни местных налогов, ни федеральных?

– Это действительно так. Однако мы при этом опираемся на Определение Высшего правового консилиума Федерации от 3 сатурна 2712 федерального, то есть 94 нашего локального года, согласно которому регистрация предприятий, создаваемых на вновь открытых мирах, может быть отложена вплоть до возникновения полной уверенности в надежности нового производства. Само же представление о полной надежности сформулировано достаточно расплывчато, и сроки такого вывода могут варьировать весьма ощутимо. Так что у нас в этом отношении еще имеется достаточный люфт. А раз нет регистрации, то, естественно, не может быть и речи о каких угодно налогах.

– Но я не нашел и ни малейшей информации об открытии этого нового мира. Профессор Ганиф, боюсь, что вы забыли доложить об этом даже мне. Могу ли узнать, чем вызвана такая небрежность?

– Только вашей крайней занятостью, президент, другими делами, о которых вы, к сожалению, никак не информировали ни правление, ни директорат – никого. И хотя мы, как всегда, верим в вас и верим вам – это ваше, так сказать, отстранение вызвало у нас определенную тревогу.

Возникший в конференц-зале гул – разумеется, легкий, совершенно пристойный, даже не гул, можно сказать, но намек на него – послужил подтверждением слов первого вице-президента.

– Мы нарекли новый мир Улусом, – продолжал Ганиф. – Думаю, что такое имя за ним и останется – поскольку даже после заявки об открытии преимущественное право его разведки и разработки сохранится за нами на... на какой срок, Рен?

– Здесь тоже немало вариантов, господа. Минимум на три года.

– Из ваших слов я могу сделать такой вывод: если мы кое-что и нарушаем, то нарушаем уверенно, поскольку можем найти для себя оправдание. Попрошу предоставить мне всю информацию о новом мире: координаты, маршруты, физические и экологические сведения – словом, все, что у нас имеется. Я намерен, не откладывая, увидеть этот мир своими глазами. Пока же могу сказать, что считаю сделанное вами прекрасной работой. Наши дела хороши.

– Благодарю вас, президент, за высокую оценку, – сказал советник Ганиф. – Хочу, однако, возразить вот в какой части: меня беспокоит наше основное предприятие на Маргине: объем добычи там по-прежнему практически на нуле, как и все последние месяцы. Сейчас мы отгружаем последние запасы со складов, а что будет потом – через месяц, через неделю? А люди по-прежнему отказываются работать. Самое время послать туда эту женщину, психооператора, чтобы она выполнила работу, ради которой ее и наняли. Но вы, похоже, не спешите с нею расстаться...

– И не собираюсь, – ответил Нагор спокойно. – По двум причинам. Во-первых, потому, что по ряду обстоятельств она не сможет добиться там нужного эффекта. На Теллусе мне удалось побеседовать с одним-другим из видных ученых, участвующих в «Продолжении», и они объяснили, почему наш замысел совершенно некорректен. Так что нет смысла посылать ее туда.

– Но ведь «Продолжение» распущено правительственным актом!

– Но люди-то остались и глупее от этого не стали.

– Однако они вряд ли знают эту женщину. А отклики о ее работе – самые лучшие!

– В нормальных условиях, но не там. Но это даже не главное. Основная же причина в том, что события на нашем предприятии на Маргине меня более не волнуют. Все равно добычу гравина придется прекратить. По поводу этого производства у меня возникли совершенно другие планы. Ими я и занимался последние месяцы. И намерен их реализовать в ближайшем будущем.

– Президент, но то, что вы говорите, совершенно немыслимо! Это же крах, полный развал! Опомнитесь! Нельзя свертывать добычу на Маргине! Никак нельзя!

Тот, кому адресовались эти слова, их словно бы и не услышал; он продолжал спокойно сидеть в кресле, никак на сказанное не реагируя – лишь поднес к губам руку, в пальцах которой дымилась длинная тонкая пахитоска, глубоко затянулся и не сразу выпустил изо рта длинную струю дыма.

На этот раз уже не намек на гул возник в конференц-зале, но не гул даже, а некий рокот, предвестник шторма, из которого то и дело возникали связные фразы:

– Президент, не прячьтесь в кусты, когда пришла пора!..

– Хозяин, не время и не место играть в молчанку. Вы обещали. Мы вам поверили, потому как вам это было более с руки, чем любому другому. Согласились на ваши условия. И ждали. Мы знаем, что вы сделали то, что обещали. Какого же хрена? Пора идти дальше.

– Тем более что лично вам это нужно даже больше, чем любому из нас, – снова выкрикнул федеральный эконом-советник Яр Ганиф. – Вы что, может быть, нездоровы? Где присущая вам ясность мышления и четкость поступков? Право, я совершенно вас не узнаю!

Президент Рик Нагор сделал еще затяжку, медленно протянул руку, чтобы сбросить цилиндрок пепла в абстрактную фигуру, служившую ему пепельницей. Движение было спокойным и уверенным. Лишь после этого он перевел взгляд с окна, куда до этого были устремлены его глаза, на советника и проговорил только одно слово:

– Нет.

– Как это – нет? – не сказал, а прокричал еще один член правления. От волнения или возмущения он не смог усидеть на месте, но вскочил и даже сжал кулаки. – Что значит – нет?!

– Значит, – объяснил Нагор, – отрицательный ответ. Нет. Женщина туда не поедет. И добычу гравина будем свертывать. Я выразился ясно? Разжевывать не нужно?

– Но что же будет с компанией? Со всеми нами? Мы же не устоим! Все пойдет прахом! И это – при таких перспективах, сказочных, просто сказочных!

– Как я уже сказал, диспут на эту тему окончен. Напрягать голосовые связки можете и в мое отсутствие. Дам совет: остыньте, успокойтесь, придите в себя. И поймите: компания не разорится, потому что дело, которым мы будем заниматься на Маргине, окажется не менее, а даже более прибыльным. Сейчас я, к сожалению, не могу объяснить мой замысел детально: еще не пришло время публичных заявлений. Но в скором времени мы заявим во всеуслышание...

– Но коридор на Маргину закрывается менее чем через неделю – а посылать корабли нет смысла, потому что сейчас там нечего грузить. Следующая возможность откроется лишь в начале сатурна! Вы в этом отдаете себе отчет, господин президент?

– И себе, и вам – но до отчетного собрания акционеров еще далеко. – Нагор бегло глянул на часы. – Заседание объявляю закрытым. Желаю приятно провести время. Не поддавайтесь панике. Все будет в порядке.

Он встал. Шагнул к двери.

– Штель, скажи хоть ты ему!

– Постой, Рик.

Это произнес только что названный по имени участник встречи, до тех пор только молчавший и внимательно слушавший.

– Теперь послушай меня. – Он говорил медленно, негромко и словно бы отстраненно – без признака какого-либо чувства, монотонно, словно плохо налаженный робот. – Ты знаешь:

я всегда и везде – на твоей стороне. Но сейчас ты не прав. Поэтому у тебя времени – три дня. За этот срок ты представишь нам то, что должен – со всеми потрохами. И отправишь девицу на Маргину. Без хитростей. А свои новые планы, какими бы они ни были, повесь на гвоздик. Если не выполнишь – считай, что тебя уже нет. Я не болтун, ты знаешь. Мы не позволим тебе уничтожить то, что создавали все мы. И тем более никто не даст тебе оставить Федерацию без оружейного гравина. Поразмысли об этом!

Так и осталось непонятным: слышал ли уходивший Нагор все это или нет. Судя по его поведению – мог и пропустить мимо ушей, думая уже о чем-то другом – или о ком-то. Во всяком случае, он не замедлил шага, не повернул головы в сторону говорившего, не пожал плечами и никакого другого знака не подал. Так что последние слова звучали, когда он был уже в дверях и затворял их за собой. Но не исключено, что они все-таки его догнали.

7

Теллус, головной мир Федерации. Министерство финансов, Главное управление налогов. 23 июля, или 9 меркурия по временной сетке Неро

Старший разведчик Федерального министерства финансов Трим был срочно вызван с Ливии, периферийного мира, где секретно находился последние полгода, раскапывая воровство в тамошнем департаменте налогов и сборов, в столицу – на Теллус. И не к кому-нибудь, а к самому директору разведки. Даже со старшими специалистами такое случалось нечасто, так что Трим не напрасно предполагал, что подобный вызов будет связан с каким-то не вполне заурядным заданием.

Так и получилось. Без предисловий и обиняков директор сразу же после обмена приветствиями перешел к делу:

– Трим, что вы знаете о «Маргина Гравин»?

Разведчик пожал плечами:

– Наверное, то же, что известно всем. Солидная компания, в нарушениях не замечена, хорошо развивается, со стороны потребителей претензий, по-моему, не возникало. Вот все. Непосредственно ими я никогда не занимался.

– Пришло время заняться.

– Слушаю вас.

– Поступили оперативные данные о том, что на головном предприятии фирмы на Маргине происходит нечто вроде забастовки. Да-да, это не наш профиль, и я не собираюсь поручить вам разруливать эту ситуацию. Наш интерес в другом. А именно: вследствие забастовки добыча нужного продукта – это гравин «Б», к вашему сведению, оружейный – естественно, упала. Как и продажа. Следовательно, и доход.

– И, понятно, налоги.

– Совершенно верно. Все как полагается. И тем не менее!

– Ага.

– Поняли? Все логично, кроме одного: ни один потребитель не жалуется на нарушения поставок, на недовоз и тому подобное. Не странно ли: производят меньше, получают вроде бы тоже меньше – а поставляют столько же.

– Возможно, они работали частью на склады?

– Допускаю. Но независимо от этого: раз поставляют прежние количества, значит, и получать должны столько же, сколько и раньше. Вывод один: с части получаемых доходов фирма перестала платить налоги. Кстати, та же картина и на Неро, где помещается их правление: недоплата по локальным налогам. А это уже наш хлеб, Трим. Или вы, может быть, думаете иначе?

– Не вижу, о чем тут думать, директор. По-моему, картина совершенно ясная.

– Я хочу, чтобы вы эту картину увидели своими глазами, разобрались, сделали выводы и приняли хотя бы срочные меры еще до того, как мы насядем на них уже всерьез. Способы, тактика и прочее – все на ваше усмотрение, не мне вас учить. Но – без малейшей огласки: компания слишком известная, чтобы... То есть, как говорят наши коллеги, брать их следует с поличным. Иначе выкрутятся.

– Когда начинать, директор?

– А я полагал, что вы уже начали. Вы ведь, как мне докладывали, закончили дела на Ливии? Или что-то еще осталось?

«Осталось, – думал Трим с досадой, – осталось там дело – только одно, но очень важное. Однако оно лично мое, к налогам отношения не имеет, а вот к моей судьбе... Я только успел понять, что она для меня значит – и вот тебе. Но это поводом для отказа служить не может. И не послужит».

- На Ливии я все сделал, материалы переданы в Службу покоя.
- В таком случае, желаю удачи. Позволяю послать меня, как полагается.
- Разрешите мысленно?
- Как и все прочее – на ваше усмотрение. Воспользуйтесь внеурочной, на Неро уже предупреждены о вашем прибытии. Все.
- Счастливого оставаться, директор.

8

Неро, дом Нагора, 9 меркурия

Оказавшись дома, Рик Нагор обнимая, как обычно, встретившую его на крыльце Зору, в ответ на привычное «Все хорошо?» ответил уже традиционным:

– Лучше не бывает.

Но уже следующие его слова прозвучали необычно:

– Нежик, ты уже разослала приглашения на свадьбу?

– У меня все готово, – ответила невеста весело. – Но ты еще не выбрал – где. Куда звать.

Ты решил?

Он посмотрел ей в глаза. Молчание продлилось не меньше минуты, и безмятежное выражение глаз Зоры сменилось тревожным.

– Что-то не так, Рик?

– Нет, в целом все в порядке. – Интонация, однако, не соответствовала смыслу сказанного. – Но придется внести изменения.

– Говори. Я слушаю.

– Нежик, пойми правильно. Пугаться не надо, но...

– Что? Ну, говори же!

– Пожалуй, публичную свадьбу мы на какое-то время отложим. Так что приглашений слать не нужно.

– Рик, что случилось?

– Все объясню.

– Ты передумал? Только не скрывай от меня. Пожалуйста! Разлюбил? Конечно, я тебе не пара, я знаю...

– Все не так. Не передумал и не разлюбил. Но решил все ускорить. То, что полагается по закону, мы с тобой выполним уже нынче вечером. Здесь. Я пригласил всех, кого следует, чтобы соблюсти формальности. Но только их. Никаких гостей. Придется принять некоторые меры предосторожности. На время, думаю, что ненадолго.

– Что произошло, Рик? Может быть, ты мне больше не веришь?

– Верю и всегда буду. Что произошло? Я начал осуществлять то, на что ты меня натолкнула. В ближайшее время мне придется слетать на Улус – это недавно открытый мир, который мы собираемся разрабатывать, вернее, уже начали. Хочу взглянуть своими глазами, потому что... Чутье подсказывает: что-то там не так. А когда вернусь – всерьез займемся торжествами. Подробнее – за обедом. Я голоден, как крокодил, и берегись: могу начать с тебя.

– Ну, сперва поймай меня!

И они припустили к дому, смеясь, словно никаких осложнений не предвиделось.

9

Неро, офис МГ, все еще 9 меркурия

Закрывая совещание, президент компании Рик Нагор не подумал о том, что оно может продолжиться и без его соизволения и участия. Тем не менее именно так и получилось. Об этом свидетельствует сохранившийся текст, возникший непонятным образом: Нагор ведь предупреждал участников о том, что никакой записи не ведется, вся аппаратура выключена. Значит ли это, что он ввел коллег в заблуждение, чтобы высказывания их стали более откровенными? Потому что запись, если она существует, может быть предоставлена в распоряжение общего собрания акционеров – если у них возникнет такое требование. Руководство же никогда не бывает довольным, если на его кухню заглядывает посторонний – а миноритарные акционеры именно такими, по твердому убеждению директоров и членов правления, являются. Был ли президент Нагор способен на подобное вероломство? Собственно, а почему бы и нет? Бизнес и мораль – две вещи, как сказал бы классик, несовместные.

Так или иначе, когда дверь за ним закрылась, а участники стали медленно, с неохотой вставать с кресел, первый вице-президент, советник Ганиф, выждав с полминуты, объявил:

– Я полагаю, есть необходимость продолжить обмен мнениями по поводу возникшей ситуации. Тех, кто согласен со мной, прошу остаться.

После чего все участники без исключения вернулись на свои места. При этом даже какой-то общий вздох облегчения прозвучал в малом конференц-зале. Советник Ганиф удовлетворенно кивнул. И продолжил:

– Господа, думаю, что вы согласитесь со мной в том, что ситуация, возникшая, надо сказать, почти неожиданно, не оставляет нам иного выхода, чем немедленное принятие решительных мер.

– Я бы сказал – крайних мер, – вставил Агут Рен, правовед.

– Надеюсь, меня не станут перебивать, – нахмурился Ганиф. – Тем не менее не могу не согласиться: возможно, понадобятся действительно крайние меры.

– Какие, например? – Кто-то из членов правления не удержался от того, чтобы разрушить только что высказанную вице-президентом надежду. – Поменьше общих слов, профессор!

– Совершенно конкретно. Ситуация является критической, во-первых, потому, что наш глава выразил желание посетить Улус. Чтобы своими глазами увидеть, как наше новое предприятие работает в только что открытом мире.

– Ну и что в этом страшного? Предприятие ведь существует? Или это блеф?

– Предприятие совершенно реально. Ведет добычу и отгрузку гравина. Деликатность ситуации в том, что расположено оно не на вновь открытом мире Улус, на деле его адрес совершенно другой. Что же касается Улуса, то такой планеты просто не существует. Она – фикция. Плод фантазии нескольких авторов. А название принадлежит крохотному обломку.

– Черт бы вас побрал. Почему вы не раскроете реальное местоположение нового предприятия? Оно ведь все равно известно капитанам, вывозящим продукцию. К чему осложнять положение?

– У меня встречный вопрос к вам. Вас устраивает уровень дивидендов, которые мы выплачиваем? Или кажется, что они слишком велики?

– А так бывает?

– Думаю, что нет. Напротив, всем хотелось бы, чтобы прибыли были больше. Сейчас нам удастся поддерживать ее на прежнем уровне лишь потому, что с продукции нового предприятия мы не платим налогов, не платим и федерального сбора, какой полагается за расширение разрабатываемой территории на уже используемой планете – но не взимается с разведки территорий на новых мирах. И так далее. Думаю, коллега, вы тут единственный, кто не знает

о том, что на самом деле новое предприятие находится все на той же Маргине, где успешно действует наша основная шахта. Раскрой мы это – и немедленно придется расстаться с такими суммами, что не только доходы акционеров уменьшатся, но пошатнется и сама компания.

– Вы уверены, что я – единственный не знающий? А президент Нагор?

На лицах возникли усмешки.

– Вы правы, я допустил неточность: вас двое.

– Значит, я в хорошей компании. Скажите, вы серьезно считаете, что вам удастся долго водить власти за нос? У них достаточно опыта...

– А нам и не нужно «долго». Нам вообще не понадобилось бы прибегать к подобным маневрам, если бы наше основное предприятие на Маргине – мы называем его «Круг», так наша территория выглядит в плане – работало нормально.

– Послушайте, Ганиф, если компания не в силах выправить такую элементарную ситуацию, то я, пожалуй, захочу слить ваши акции как можно скорее – а их у меня, как вы знаете, очень немало. Там же компьютерная автоматика, ею управляет горсточка людей, всего с десяток, это данные из вашего проспекта, – и вы не можете заставить их нормально работать? Ну, так выкиньте их ко всем чертям и поставьте новых. Чего они, кстати, хотят? Повышения оплаты? Так заплатите им – десяток людей вас не разорит при ваших оборотах. Да будь их там даже сотня...

– Вы совершенно правы, будь их сотня, пусть хоть тысяча – мы бы управились. Но там приходится противостоять не людям. Они, по сути дела, ни в чем не виноваты.

– Как прекраснодушно! Люди не виноваты, видите ли. А кто же?

– Вот это мы и сами хотели бы знать. Если назвать одним словом, то виновата природа. Господин Горт, похоже, что в нашем проспекте вы читали только тот раздел, где речь шла о дивидендах. А ведь там содержится достаточно много интересной информации. В частности, о природных условиях.

– Я читаю то, что мне интересно. А описания лужочков и цветочков, и как там птички поют, меня и в детстве не волновали.

– И напрасно. Люди ведь работают не в вакууме, а в конкретных условиях, и эти условия на них постоянно влияют. Это приходится учитывать. Впрочем... Вот у меня последний доклад коменданта «Круга» – нашего, так сказать, заместителя там. Поскольку с документом еще никто не знаком, позволю себе огласить его.

«Комендант Особой базы «Круг-4» – отделу персонала правления компании «Маргина Гравин». Иррегулярный доклад № 186/04СО. Маргина, 6 меркурия 127 года.

Вынужден доложить, что за минувшие десять конвенционных суток положение на базе оставалось крайне напряженным, рекомендованные вами меры не привели к улучшению обстановки.

Уточняю: принять по отношению к личному производственному составу какие-либо меры репрессивного характера не удалось вследствие того, что на ограничение передвижений, а также на сокращение норм питания производственный персонал отреагировал неожиданным образом: объявил о готовности привести в негодность всю производственную систему (ими было заявлено, что обе системы, и добывающая, и обогатительная, уже подготовлены к взрыву, реализация которого свела бы на нет все, достигнутое на Маргине за истекшие три года освоения и заставила бы начинать все работы вновь с нулевого цикла). В ответ на наши разъяснения о том, что пребывание каких-либо женщин на Маргине запрещено постановлением федерального правительства и что причиной этого являются пока еще не исследованные природные аномалии, вследствие которых пребывание на этой планете

неизбежно приведет к их гибели, производственники высказали требование немедленно принять меры по обеспечению им нормальных условий жизни. Мои просьбы потерпеть до возвращения в нормальные миры в соответствии с заключенными контрактами не встретили понимания.

Не могу не упомянуть о том, что создавшаяся обстановка крайне тяжело действует также и на административно-охранный персонал, их моральное состояние, дисциплина и качество несения службы упали до самого низкого уровня за все время освоения Маргинского месторождения.

Таким образом, в настоящее время работы по добыче и обогащению гравиновой руды практически все еще не возобновляются. Стартово-погрузочное устройство бездействует. Склады пусты. От применения силы я вынужден воздерживаться, поскольку любое обострение может привести к кровопролитию. Печальные последствия такого оборота событий нельзя преувеличить.

На основании изложенного уже в третий раз прошу в кратчайший срок доставить на базу обещанного вами человека, обладающего способностями влиять на психику людей каким-либо скрытым способом – потому что если кто-либо почувствует, что на них давят, результаты будут такими же, как и при попытке применить силу. Его прибытие необходимо в кратчайшие сроки, поскольку напряжение как среди не работающих, так и в моем персонале неуклонно нарастает, и я затрудняюсь предвидеть все возможные последствия этого, уверен лишь в том, что они будут плачевными.

С неизменным уважением – комендант Исор Вангель».

– Теперь вы понимаете?

– Выходит, им всего-навсего баб не хватает? А что, это я могу понять. В чем же тут проблема? Выйдите вечером на Розовый проспект – вы там не то что десяток, вы там целый батальон наберете без труда. А что правительство запрещает отправлять туда женщин – да хороший юрист объяснит вам, как это постановление обойти, как и любое другое. Ну, и этого, кого они там просят – гипнотизера, или как его – тоже надо найти и отправить.

– Найти мы уже нашли, такой специалист есть, по отзывам – лучший если не в Федерации, то во всяком случае в нашем стерadiane, но... Вы все были свидетелями того, что президент Нагор высказал четкое намерение не только не посылать туда психооператора, но и вообще прекратить добычу гравина. Это уже не забастовка, это грозит нам полным крахом. Может быть, он собирается затеять что-нибудь в каком-то ином месте, может быть – блефует, как и мы, не пойму только, с какой целью. Поэтому у меня возникло и такое подозрение: вся эта забастовка и прочее задумана самим Нагором – закрыть производство проще всего, когда оно уже как бы само по себе оказалось на грани прекращения. И я не удивлюсь, если... Горт, чего еще вы хотите?

– Да все того же: помочь вам, а заодно и себе, выкрутиться из этой неприятности. Я чувствую, вам не хватает настоящего специалиста по распутыванию хитрых узелков; а я знаю одного такого. Могу с ним поговорить. Правда, обходится он недешево – однако его работа того стоит.

– Вряд ли на Неро есть такой специалист, о котором нам ничего не известно. Мы знаем всех.

– Я же не сказал, что он местный. Нет, но как раз сейчас должен оказаться здесь – проездом. Он всегда в движении – ищет, где можно хорошо заработать. Во всяком случае, могу свести вас с ним, а дальше разбирайтесь сами. Но думаю, что тут всякий расход будет оправдан.

– Ну что же, встретиться, во всяком случае, пожалуй, имеет смысл. Как его зовут, кстати?

– Я его знаю как Рогнеда – да не только я. А настоящее ли это имя – один Бог ведает. Да еще тот, кто оформляет липовые федеральные паспорта. Значит, я его приглашаю? Он должен прибыть через несколько часов.

– Встречайте его и везите прямо к нам. Если он действительно так хорош...

– Он еще лучше.

10

Неро, дом Нагора, 10 меркурия

Зора говорила с сестрой по коммику – обычной гражданской связи:

– Старшая, хочу предупредить тебя: не горюй, что не приедешь на мою свадьбу. Она отложена.

– Ой! Неужели разладилось? Почему, сестричка?

– Нет, все по-прежнему – только торжества перенесли. Так, деловые соображения. Я тебе сообщу, как только назначим новый день. Ну а что у тебя? Не появился твой возлюбленный?

– Знаешь, ужасно не везет. Я неожиданно напала на след, ринулась туда, то есть на Ливию, но опоздала буквально на несколько часов: он снова растворился в пространстве, и не удастся узнать, куда бросился на этот раз. Вот сижу и реву.

– Старшая, извини за такую мысль, но, может быть, он просто решил больше с тобой не встречаться? Стоит ли так гоняться за ним?

– Зо, неужели я этого не почувствовала бы? У меня ведь способности не хуже твоих, недаром мы близняшки. Нет, он чувствует все то же, что и раньше, как и я сама. Похоже, тут какие-то обстоятельства сильнее его.

– Что же ты собираешься делать сейчас?

– Ужаснешься: снова хочется на Теллус! Где нам с ним было так здорово. Были бы деньги – наверное, сразу и улетела бы. Но их не оказалось.

– Са, еще раз говорю: возьми у меня.

– Еще раз напоминаю: тема закрыта. Да и потом, я подумала: раз он так бродит по Галактике, то шансы равны, гоняться ли за ним, или сидеть на одном месте и ждать, пока его не занесет сюда. Теоретически – все равно. Вообще, ты знаешь мои мысли: что суждено, от того не уйдешь, что нет – того не догонишь.

– Приходи. Пospорим на эту тему.

– Как-нибудь соберусь.

– И пожалуйста, если тебе понадобится моя помощь – сигналь сразу.

– С условием, что ты поступишь так же.

– Договорились.

11

Неро, Улицы. 10 меркурия 127 года

До места назначения Трим добрался без происшествий. Ничего удивительного: когда пользуешься внеурочной, дорога вовсе не занимает времени, не успеешь сесть в кабину, как уже приглашают на выход, так что происшествиям случаться просто некогда. По крайней мере, именно так утверждает реклама ВВ-транспорта. В данном случае реклама в общем соответствует действительности, что само по себе достаточно странно.

Его никто не встречал; собственно, и не должен был, таков был уговор. На встречающих обычно обращают внимание, поскольку подготовленная встреча означает, что прибыло какое-то более или менее значительное лицо. Трим же должен был находиться здесь неофициально – до поры до времени, чтобы увидеть вещи такими, каковы они были, а не те картинки, которые принято показывать представителям властей. Адрес был Триму известен, нужный маршрут накрепко впечатался в память красным зигзагом на фоне крупномасштабного городского плана, так что можно было, ни к кому не обращаясь за справками, без помех добраться до того места, где его ждали. На всем Неро о его приезде знали самое большее два человека, а может быть, обошлось и без второго. Налоговая служба Федерации обладала не раз проверенной технологией соблюдения тайн.

Поэтому Трим, вместе с другими немногочисленными пассажирами выйдя из многоэтажной башни ВВ-вокзала, сразу же двинулся в нужном направлении. Он знал, что идти придется не более двадцати минут – средним шагом не торопящегося, но и не празднующегося гражданина; это время можно было бы и сократить, воспользовавшись городским транспортом. Но Триму хотелось окунуться в атмосферу этого города, не просто увидеть, но и почувствовать его, установить с ним устойчивую связь – чтобы ощутить себя тут своим, чуть ли не коренным обитателем; это позволит решать задачи, которые неизбежно возникнут, не совершая ошибок, что вообще свойственно чужакам, а даже мелкая ошибка может провалить все дело. Как люди ходят, смотрят, разговаривают, следят ли, переходя улицу, за светофорами, как реагируют на появление полицейского, как человек ведет себя в магазине, кафе, общается ли с незнакомыми, скажем, на транспортной остановке в ожидании нужного вагона или держится так, словно он в этом мире – единственный человек, а все остальные – лишь фикция – и так далее. Опыт позволял Триму все это усваивать без малейших усилий, как говорится – на автомате, и он знал, что, еще не добравшись до места назначения, будет чувствовать себя так, словно тут родился, вырос и никогда не улетал за пределы здешней атмосферы.

На самом же деле он был тут впервые, но в то же время Неро не был для него и совершенно чужим. Ему пришлось уже достаточно много слышать об этом мире и городе от человека, действительно тут родившегося и проведшего большую часть своей жизни – небольшой, прямо сказать, срок.

Человека, который в мировосприятии и чувствах Трима произвел полный переворот – такой, какой по силам только любви, ничему другому. Женщина, возникшая неожиданно и столь же неожиданно исчезнувшая; последнее произошло (и он не переставал казнить себя за это) по его собственной вине; то есть не по вине даже, а по условиям той службы, на которой Трим подвизался и в которой молчание почиталось одной из наивысших добродетелей. Он надеялся, вернувшись после недолгого отсутствия, продолжить отношения, направление которых было, казалось, совершенно ясным для них обоих. Но командировка неожиданно затянулась, и когда он вернулся – то есть вчера – то на месте не оказалось ни женщины, ни каких-либо следов ее. То ли это было сделано в отместку за его внезапное исчезновение (такой вариант оставлял надежды: она пробудет в нетях достаточный, по ее мнению, срок наказания за его невнимательность, и возникнет снова), но могло быть и так, что она попала в какие-то непро-

стые и даже опасные обстоятельства. Ее характер предоставлял достаточно простора для таких предположений. Тогда могло оказаться, что она нуждалась в помощи, его помощи – но теперь она, даже захотев, не смогла бы его найти, а он не имел права, даже найдя ее, подать какой-то сигнал. Этот мир и этот город были родиной исчезнувшей Саны (так ее звали), и в подсознании Трима теплилась надежда на то, что сбежала она именно сюда, и если судьба смиляется, то он найдет ее, даже если придется, сделав дело, задержаться тут на какое-то время – в пределах допустимого, конечно. А сейчас, приближаясь к нужной точке, Трим старался воспринимать окружающее как бы через ее чувства и ощущения: поняв их, возможно, он смог бы определить с большей уверенностью, где тут следует ее искать. Жаль, но его инкогнито не позволяло ему воспользоваться простейшим выходом: навести справки в местной службе покоя, где всякий приезд регистрировался, как и место проживания.

Пока, однако, ничего не получалось. Никакой связи с городом не возникало – возможно, потому, что он был, как две солдатские пуговицы, похож на все другие столицы молодых миров, еще не обзаведшихся по-настоящему ни историей, ни традициями, ни собственным стилем в архитектуре, одежде, даже своим диалектом всеобщего линкоса, языка общения в Галактике. Ничего удивительного: города были стандартными, планы их, стили и даже материалы – все это создавалось не тут, на местах, а в градостроительных учреждениях Теллуса, а еще больше – Армага; это было двойное сердце Федерации, и ритм сокращений этого сердца повторялся всей периферией – как пульс, скажем, на запястье является всего лишь отражением ритма сердечной деятельности. Конечно, в городе должно было существовать уже и что-то свое – но он не спешил раскрываться перед вновь прибывшим, ожидая, может быть, какой-то инициативы с его стороны.

С такими мыслями, не очень веселыми, Трим достиг нужного места. Еще раз сверившись с памятью, вошел, поднялся на указанный этаж, позвонил в звонок так, как следовало. Ему отворили без заминки; он вошел, и дверь сразу же закрылась за ним.

12

Маргина, база «Круг», 12 меркурия по Маргине или 10-го по Неро

Комендант Вангель инструктировал смену. Так он делал четыре раза в сутки, шесть дней в неделю (поскольку в разработанном для Маргины календаре неделя насчитывала шесть дней, а не семь), пять недель в месяце и семнадцать месяцев в году, насчитывавшем, как легко подсчитать, ровно пятьсот десять дней – уже по разработке природы, от которой и приходилось танцевать. Пятьсот десять умножить на четыре – получается одна тысяча сорок. Столько раз в году комендант и проводил инструктаж, ни единожды не отступив от заведенного порядка. И за тысячу сорок инструктажей ни разу не пропустил ни единого слова, а до последнего времени ни единого и не прибавлял. Правда, теперь приходилось, потому что у личного состава нет-нет да и возникали не предусмотренные заранее вопросы.

– Вы заступаете в очередную смену. Вам надлежит неуклонно и бдительно следить за соблюдением охраняемым персоналом установленных для вас и для них правил. Каждый из вас охраняет одного производственника и во время нахождения на рабочих местах, и при пребывании в жилой зоне. Не отвлекается ни на какие другие действия, а в случае необходимости подает сигнал опасности. Не допускает сокращения расстояния между охраняемым и собой менее чем до трех метров, что является дистанцией безопасности. Не вступает в разговоры с охраняемым. Не выполняет никаких просьб охраняемого. При необходимости пресекает разговоры между охраняемыми, если они выходят за рамки производственной необходимости. В случае угрозы применяет оружие: первый выстрел – предупредительный, второй и дальнейшие – парализующие. Примечание первое: доводить дело до стрельбы крайне нежелательно и может быть оправдано лишь действительно серьезной угрозой вашей жизни или здоровью или же техническим средствам компании. Примечание второе: такой характер угрозы должен быть подтвержден двумя ближайшими к вашему посту сослуживцами. Ваш главный образ действий: бдительность, строгость, пресечение, наблюдательность, подозрительность, информирование командования, то есть меня. Ни на миг не забывайте, кого вы охраняете и как важно для Компании и для всей Федерации производство, бесперебойную деятельность которого вы обеспечиваете. Помните, что до конца командировки каждого из вас остается все меньше дней, по возвращении к местам постоянной службы вас ожидает более чем достойное вознаграждение, а возможно, и служебные повышения – в зависимости от отзыва, который о каждом из вас буду давать я лично.

– И бабы.

– Что такое?

– И бабы будут. Когда вернемся.

– Отставить разговорчики в строю! Магазины – проверить! Дистанты к бою изготовить! Поставить на предохранитель. К смене на постах самостоятельно шагом марш!

– Господин комендант, разрешите вопрос?

– Ну, что там у тебя?

– А к чему все это, если они на работу и не ходят, а только на огороде копаются да... это самое... а нам на постах делать нечего? Может, нам тоже службу нести на огороде?

– Отвечаю: у дурака и вопросы такие. В инструкции об огородах нет ни слова, значит, там и постов быть не может. Все. Выполняйте.

«Разболтались», – с неудовольствием думал комендант Вангель, глядя вдогонку уходившей смене. – Не шагают, а плетутся, переваливаются с боку на бок, как обожравшиеся утки. И оружие несут, как... как... как не знаю что. И ничего с этим не поделаешь. Такое проклятое место, эта планета: расслабляет со страшной силой, даже мне ничего не хочется делать, становится вроде бы на все наплевать, будь моя воля – сел бы под первым попавшимся деревом и

сидел бы, дышал, смотрел вокруг, а если бы можно было сюда жену выписать – или не жену, – то тогда и вовсе... Пришло же кому-то в голову: слать сюда приговоренных для работы. В таких условиях только пожизненный срок и отбывать. Однако гравин нужен всем, вот и...»

Дальше думать было лень, и комендант перестал. Просто сидел перед входом в купол, под которым располагались жилые и служебные помещения, неизвестно чего ради воздвигнутые как для осады: обороняться тут было не от кого, то есть жизни на Маргине хватало, но вся она была тоже такая – ленивая, в отношении людей совершенно безопасная, хотя тут вблизи, где начинался – и неизвестно, где кончался – густой лес, были, наверное, свои зайчики и свои волки, которые их жрали, – а может, и не дошло еще тут развитие до такого уровня, кто его знает. Комендант сидел, глядел в небо такой густой синевы, что ее, казалось, можно было нарезать ломтями, и помимо своей воли мечтал, что если все-таки разрешат тут создавать постоянные поселки, то, выслужив отставку, как здорово было бы перетащить все семейство сюда, поставить домик, прокормиться тут – раз плюнуть, земля такая, все прет само собой так, что не удержишь... Правда, сообщение с большинством миров Федерации имеет недостатки: приходится проходить в сопространстве штормовые зоны, и когда штормит – корабли не рискуют, надежного времени меньше половины. Но тем не менее гравин регулярно вывозят – значит, и с подвозом всего нужного больших проблем не возникнет. Да, а сейчас если бы все-таки позволили сюда привозить женщин – совсем райская была бы жизнь. И отчего они тут мрут? Постой, а когда это они тут мерли, если их никогда и не было? Все теории, теории. Нет, кажется, когда-то в самом начале они тут все же были. Ни одной могилы, однако. Наверное, тела все вывезли. Да ладно, в конце концов служить тут осталось всего ничего, а там видно будет. Разобраться бы с этой волынкой – и в тишине, в покое ждать смены...

13

Неро, дом Нагора. 10 меркурия

Рик Нагор выключил справочник. Откинулся на спинку кресла. Закрыв глаза, помассировал веки.

Только что удалось найти, наконец, этот пресловутый Улус. Среди самых новых записей. Эта датирована вчерашним днем. То есть, все в порядке. Есть такое небесное тело, и если на нем начата какая-то разработка, то она действительно свободна от налогов. Можно не беспокоиться ни сборщикам податей, ни вообще кому бы то ни было.

Может быть, и лететь туда не стоит?

Не стоит. Но не потому, что там полный ажур.

Лететь не нужно по той причине, что Рик там уже бывал. И совсем недавно.

И никаких других Улусов в справочнике не значилось.

Кстати, правдой было и то, что работы на Улусе велись. И Рик все это видел своими глазами. Даже как-то участвовал в этих работах.

Потому что Улус оказался тем самым, тогда еще безымянным, астероидом, на котором и в котором ничего полезного не было, и потому его и использовали для испытаний образцов гравин-оружия.

А сейчас, когда сотрудникам Компании понадобилось как-то подстраховать свой блеф, они ухватились за то, что оказалось под рукой. За эту самую глыбу. Она существует, и все. Годы пройдут, пока Федерация захочет послать туда своих чиновников – поглядеть, что там и как. Те самые три года, свободные от налогов.

Ну вот, кажется, все и встало на свои места. Это значит, что сейчас от коллег можно ожидать самых крутых действий.

Печально. Обидно. Но – неизбежно.

Что надо сделать немедленно? Вывести Зору из зоны опасности.

Завтра же, рано утром...

– Рик! – донеслось до него. – Ужин стынет! С шампанским!

Вот такая свадьба получилась. Интимная. Вдвоем.

– Бегу, Нежик! Лечу!

14

Неро, офис МГ, 12 меркурия 127 года

Еще одна встреча состоялась у руководства компании «Маргина Гравин». Началась она с представления немногочисленным участникам нового лица. Представление несколько напоминало допрос – что совершенно не удивительно, поскольку дело не только выглядело серьезным, но и было таким на самом деле. Вел совещание федеральный эконом-советник Яр Ганиф, как уже говорилось, первый вице-президент «Маргина Гравин». Вот выдержки из записи:

Советник Ганиф: Уважаемый господин Рогнед, мои коллеги хотели бы, пусть в самых общих чертах, познакомиться с вами, чтобы решить, какой уровень доверия возможен в наших отношениях. Вы не против?

Рогнед: Разумеется, нет. Однако мое резюме у вас имеется, а если возникают дополнительные вопросы – сделайте одолжение. Итак?

Ганиф: Как вы хотите, чтобы к вам обращались?

Рогнед: Обычно меня называют мастером ситуаций, или кратко – МС.

Штель, Начальник службы охраны МГ и лично г-на Рика Нагора: Вы прибыли на Неро специально для участия в наших делах?

Рогнед: Нет, я прибыл сюда по мотивам, не имеющим к вашей компании никакого отношения. Оказалось, однако, что нужные мне люди сейчас в отъезде, возникло свободное время, а я не люблю находиться в простое: за него не платят. Так что мое присутствие среди вас можно рассматривать как случайность. Я благодарен господину Гарту, с которым встречался и раньше, за то, что он рекомендовал меня вам.

Ганиф: Мы решили просить вас об участии в нашей деятельности – в определенных границах, конечно.

Рен, юридическая служба: Мастер, насколько тесным может быть ваше сотрудничество с компанией?

Рогнед: Это будет определяться двумя факторами: первый – это уровень оплаты моих услуг, и второе – мое участие не выходит за рамки законных действий. Поэтому не посвящайте меня в то, что может быть связано с правонарушениями.

Рен: Правонарушения – не наш профиль, мастер. Но, во всяком случае, я благодарен вам за откровенность.

Рогнед: Взаимно.

Ганиф: Благодарю всех. В таком случае приступим. Насколько вы в курсе причин и возможных последствий ситуации на Маргине?

Рогнед: Боюсь, что я об этом не знаю практически ничего. Ваше любезное приглашение я получил час и десять минут тому назад, и хотя к нему приложена целая горсть кристаллов с документами, посвященными Маргине, у меня просто не хватило времени просмотреть их даже по диагонали. Прошу простить.

Ганиф: Приношу в свою очередь извинения за то, что все произошло в такое спешке. Однако печальный факт обострения отношений между большинством членов правления и президентом компании господином Нагором заставил нас торопиться. Итак, Маргина обладает обширными запасами вещества, известного как гравин «Б», который в остальных освоенных мирах обнаруживался лишь в ничтожных количествах. Напомню, что без этого вещества создание гравин-оружия так и оставалось бы лишь

теорией. Компания МГ и была создана для добычи вещества, основным ее предприятием является база «Круг» на Маргине. До сих пор никаких серьезных сбоев в деятельности базы не происходило.

Рогнед: Признаюсь, пока мне еще совершенно не ясны причины возникших сложностей – да и их характер тоже.

Ганиф: Я как раз подошел к этому. Для того чтобы понять это, нужно представить себе структуру базы. Это десять производителей, управляющих всей тамошней, достаточно сложной, техникой. И кроме них – двадцать человек, которых мы относим к административному персоналу. Ага, вы, я вижу, удивились?

Рогнед: Вы не ошиблись. По-моему, эта структура стоит на голове. Почему? Что за нелепость?

Ганиф: Дело в том, мастер, что уже с самого начала вопрос укомплектования базы производственным персоналом столкнулся со многими сложностями.

Рогнед: Еще не встречал такого дела, какое с ними не сталкивалось бы. По-моему, смысл прогресса вообще заключается в том, чтобы сложности множились прежде всего остального. С чем же пришлось столкнуться вам?

Ганиф: Видите ли, природные условия на этой планете являются, я бы сказал, достаточно своеобразными. А именно: они каким-то образом многократно усиливают один из человеческих инстинктов, конкретно – продолжения рода. Почему-то не голод и даже не страх смерти является там доминирующим, но именно этот. Поэтому, как вы уже поняли, для создания условий, которые устраивали бы работающих там людей, необходимо было присутствие обоих полов. Но компания не так богата, чтобы содержать там просто женщин. А поскольку изначально их там не было, возникли затруднения при наборе людей, готовых работать в предлагавшихся нами условиях. Нет, и оплата труда, и страховки, и всяческие привилегии после истечения контрактного срока всех устраивали, более привлекательных условий в Галактике просто не существует. И тем не менее мы оказались перед угрозой провала именно в кадровом вопросе. Люди просто побежали оттуда.

Рогнед: Господи, но ведь проблема решается простейшим образом. Как в войсках: подмешивайте им в еду или питье что-нибудь вроде брома – и этот пресловутый инстинкт перестанет проявляться с такой неотвратимостью.

Ганиф: Это было первым, что пришло нам в голову. Результат оказался вдвойне плачевным. Работники перестали пользоваться нашей пищей.

Рогнед: То есть объявили голодовку?

Ганиф: Если бы! Беда в том, что на Маргине в изобилии имеется, так сказать, подножный корм. И растительный, и животный. К тому же кто-то догадался завезти туда и семена культурных растений. И в итоге они, вместо того чтобы заниматься работой, для которой их наняли, взялись за сельское хозяйство. Практически тогда мы столкнулись с первой забастовкой, хотя так ее никто не называл. Мы пошли на уступки: стали приглашать на работу и женщин, хотя сначала об этом и разговора не было. Как вы знаете, женщин-специалистов в любой области в Галактике не меньше, чем мужчин, пожалуй, даже несколько больше. И, как ни странно, привлечь их к этому делу оказалось легче, чем мужчин. Сработало; какое-то время дела там шли – лучше не придумаешь.

Рогнед: А потом федеральное правительство запретило доступ женщин на Маргину, не так ли?

Ганиф: Если вы успели обо всем узнать – зачем я тут перед вами распинаюсь?

Рогнед: Я ничего не успел, просто логика подсказывает.

Ганиф: Именно. И люди пустились оттуда наутек. На каждом транспорте, вывозившем гравин, удирали двое-трое. У нас более не нашлось ничего такого, что могло бы заставить их остаться. Не забывайте: все они были полноправными гражданами Федерации, и не существовало такого закона, который мог бы помешать им... Мы попытались воздействовать на них через суды: как-никак они нарушали контракт и должны были платить очень болезненную неустойку. Однако они успели получить у нас отнюдь не хилые авансы, то есть у них была возможность нанять хороших адвокатов, а наши позиции были, конечно, достаточно уязвимыми, поскольку в контрактах, как вы понимаете, не упоминалось о неизбежном воздержании как обязательном условии. Если бы дело дошло до судебного разбирательства, то такая информация сделалась бы всеобщим достоянием, и тогда нам пришлось бы вообще отказаться от этого предприятия – а вложено было уже очень много. Так что мы предпочли сделать вид, что ничего, собственно, не случилось – захотели уехать, и уехали, – а чтобы дело не погибло, мы все-таки нашли источник нужных нам кадров, которым сейчас и пользуемся.

Рогнед: Федерация пошла вам навстречу. И организовала там у вас – вернее, позволила организовать – небольшую исправительно-трудовую колонию. Об этом мне приходилось уже кое-что слышать.

Ганиф: Да, именно так мы и сделали. К счастью, уровень механизации там таков, что десяток специалистов прекрасно справляется с объемом работ. Люди эти – с большими сроками, нам удалось договориться с властью так, что год работы там засчитывается за три... Выбираем тех, кто больше остальных соответствует требованиям – по возрасту, здоровью, а также и по характеру преступления: убийц, например, не берем, насильников и им подобных. Потом не менее года готовим каждого по специальности, для этого на одном из миров нам пришлось создать другую колонию – своего рода университет. Мы обучаем человека, отправляем его туда – и он не старается поскорее вернуться обратно, потому что больше нигде год за три ему не зачтут, а на волю всем хочется. Я думаю, вас вряд ли интересует ее местоположение...

Рогнед: Что тут интересного? Она на Серпе.

Ганиф: Знаете, к разговору с вами надо, видимо, заранее привыкать. Ну, я почти закончил: дальнейшее вы и сами понимаете.

15

Неро, дом Нагора, 12 меркурия

Они сидели в музыкальной комнате, почему-то именно здесь Зора и Рик проводили немногие свободные часы, половинки и четвертушки. Часто сидели молча: каждому было достаточно ощущения, что любимый человек рядом и испытывает те же чувства. Но порой хотелось о чем-то поговорить. Как, например, сейчас.

– Знаешь, Нежик, мне, откровенно говоря, стало не по себе, когда подумал, что они могут придумать какую-нибудь пакость, чтобы заполучить тебя туда – на Маргину. Пожалуй, нам надо поторопиться с твоим отъездом.

– Рик, а тебе не кажется, что мне и в самом деле стоило бы попасть туда? Ведь, если подтвердится то, о чем я тебе говорила... что узнала от сестры... то мое место – как раз там?

– Не сейчас. Позволь мне сперва начать реформирование. Тогда... а почему, собственно, ты подумала об этом?

– Не хотелось тебе говорить, но... о моих способностях ты ведь знаешь, да?

– Если бы не знал – мы бы с тобой и не встретились.

– Естественно. Но скажи: у тебя ни разу не возникало сомнений в том, что наши отношения возникли не сами собой, а... как бы это сказать... созданы мною? Что я просто использовала свой дар, чтобы – ну, попросту говоря – влюбить тебя в меня, как говорится, укрыться за широкой спиной, обеспечить себе безмятежную жизнь и все прочее. Приходили такие мысли?

– Зора, что ты!

– Только откровенно!

Рик даже поежился, словно резкий порыв ветра налетел, прежде чем ответил:

– Ну, мелькало иногда такое. Но я в это не верю. Не так я слаб, чтобы...

– Будь уверен: тебя еще будут убеждать в этом, всеми силами. И я хочу, чтобы ты был совершенно уверен в нашей любви.

– Да мало ли кто что станет болтать!

– И все же, тебе самому уверенность не помешает. И мне, кстати, тоже: я, конечно, ничего подобного не делала – сознательно, намеренно; но ведь иногда, как ты знаешь, что-то срывается подсознательно. Верно?

– Ну... бывает, конечно.

– Между тем есть способ все проверить. Объяснить?

– Нежа, повторяю: мне этого не нужно. Но если ты считаешь...

– Да. Ты ведь знаешь, что мое влияние проявляется только при контактах. Я не могу влиять, внушать на расстоянии. И вот если мы на какое-то время разъедемся, то что-то навязанное мною исчезнет, развеется. Ты вдруг подумаешь: «Да, собственно, зачем мне эта девка? Что я в ней нашел? Помрачение, да и только!» И сделаешь так, чтобы мы с тобой больше не встречались – для тебя тут не возникнет сложностей.

– Зора! Не смей!..

– А вот если останется все, что есть сейчас, то никакие сомнения не вернутся к тебе никогда! Ради такого исхода – разве не стоит рискнуть?

– Знаешь – если это сделано тобой, то пусть оно так и остается! Не хочу лишиться тебя ради какой угодно ясности.

– Искренне?

– Как на исповеди.

– Хорошо. Но знай: это всегда в твоём распоряжении. И стоит тебе передумать – буду готова пройти через такое испытание.

– Но без моего согласия – и не думай. Все равно ведь я найду тебя.

- За меня, Рик, можешь быть совершенно спокоен.
- Как и ты за меня. Иди ко мне. Ближе...

16

Теллус, 25 июля, или 12 меркурия по Неро

У каждого свои заботы. У новобрачных – одни, у компании «Маргина Гравин» другие, более масштабные. А на планете Теллус, в федеральном правительстве и заботы галактического масштаба. И у политиков, и у военных.

И заботы эти время от времени вступают в противоречие.

– Господин президент, господа, основной проблемой развития Федерации сейчас следует считать нарастающий дефицит человеческого фактора. Экономика и, следовательно, само благополучие человечества требуют открытия и ускоренной разработки новых миров: старые, увы, истощаются. Даже на уже открытых планетах, богатых нужными нам продуктами, мы не можем наладить нормальную разработку: некому работать! Сейчас это приводит к неприятностям, через поколение они превратятся в катастрофу. Например, на открытом недавно Улусе, богатом гравином, добыча явно отстает от возможностей по причине недостатка людей – хотя добыча там предельно механизирована и компьютеризована. Мало того: у нас сейчас нет даже людей, чтобы послать туда хоть сколько-нибудь серьезную экспедицию для исследования запасов и условий, приходится принимать на веру данные компании – но все мы знаем, что они порой грешат, мягко выражаясь, неточностью. Катастрофа! Единственный выход: все возможные средства обратить на рост населения. Чтобы не только рожали, но и могли вырастить! Наша цивилизация, к сожалению, облегчает процесс жизни только для тех, кто перешел уже оба критических рубежа: натальный и пубертальный, младенческий и подростковый. Но ничего не делает для обеспечения максимального выживания в этих возрастах, поскольку сама ее сущность неразрывно связана с ухудшением экологии, сколько бы мы ни говорили о ее защите. Надо ориентировать все миры с оптимальными экологическими условиями на производство – не побоюсь сказать – населения, свернув на них все другие производства. Потому что если людей не будет – не понадобится производить и все остальное из-за отсутствия покупателей.

– Господин министр здоровья, откуда же, по вашему мнению, мы можем изъять средства, чтобы вложить их в набросанную вами программу?

– Господин президент, их можно взять хотя бы у вооруженных сил...

– Возражаю!

Это было выкрикнуто хорошим командным голосом и прозвучало так: «Вазз-ррражаю!»

– Точнее, господин командующий!

– Господин президент, сейчас, когда на повестке дня перевооружение сил, внедрение новейшего гравин-оружия, мы как раз нуждаемся в дополнительных средствах как для производства самого оружия, так и на расширение добычи гравина «Б». Не говорю уже о том, что и переучивание личного состава встанет в копеечку. Но безопасность наших миров – прежде всего! Не верю, что нормальный человек может думать иначе.

– С кем вы собираетесь воевать, командующий?

– Со всеми, министр, кто посмеет напасть!

– Не хотите ли назвать их?

– Насколько я знаю, министр, у вас не тот уровень допуска к сверхсекретным материалам.

– Господин командующий, скажите, известны ли вам выводы, касающиеся гравин-оружия, сделанные группой авторитетных ученых – химиков, физиков и биологов? «Продолжением»? Там прямо говорится...

– Обычная болтовня. Фантазии. У них нет никаких доказательств. Да их уже и вообще закрыли. Их просто нет! Значит, и доказательств нет.

– Вы уверены? Вынужден огорчить вас: скоро они появятся.

– Вот тогда и будем разговаривать.

Не первая стычка такого рода и не последняя. Но равно безрезультатная. В политике это отнюдь не новость.

* * *

Когда дискуссия закончилась, командующий, медленно направляясь к выходу, деликатно взял под руку главу Федеральной службы покоя:

– Скажи, что это за ученые? «Продолжение»? Известно что-нибудь о них?

Спрошенный улыбнулся:

– Все на свете. Что тебя волнует?

– Ты слышал – что он трепался насчет доказательств. Кто-нибудь из них летал в какое-то из мест, связанных с гравин-оружием?

– Не волнуйся: никто.

– И никого не посылали? Я не боюсь, понимаешь, но сейчас всякий шум по этому поводу ни к чему.

– Какие-то контакты с приезжими у них бывали. Могу уточнить.

– Если кто-то из этих приезжих может оказаться в наших горячих точках... Понимаешь, речь идет о возможной утечке стратегических секретов. Этого не следует допускать, как думаешь?

– Будь спокоен. Из этих приезжих каждого установим. И при малейшем подозрении – если человек серьезный – до тех мест никого из них не допустим. Нейтрализуем. Вычислим любого, кто прилетал на Теллус из малых миров.

– А если все-таки...

– Я ведь сказал: не допустим.

– Спасибо. Твой должник.

17

Неро, офис МГ, 12 меркурия

Продолжение записи беседы в правлении «Маргина Гравин».

Рогнед: И все же проблемы у вас возникли и с этим контингентом. Иначе вы меня не пригласили бы.

Ганиф: Собственно, они вам уже известны. Арестанты – тоже люди и инстинктами не отличаются от вольнонаемных. Это мы понимали с самого начала. И придумали не самый плохой ход. Что вы, мастер, знаете о комбионах?

Рогнед: Ну, в общем, то же, что и все. Компьютерно-биологические андроиды, производятся для использования на работах, которые людям выполнять запрещено вследствие их опасности. В таком вот объеме. А что? Да, вспомнил: производятся в мужском и женском оформлении. Ах, вот что вы придумали! Остроумно, ничего не скажешь. Но, значит, разница не только во внешнем оформлении?

Ганиф: Конечно. Это, безусловно, удорожает выпуск, но так было задумано с самого начала – потому, что комбионы чаще используются в смешанных группах, то есть вместе с природными людьми, и, естественно, всегда в сложных условиях, где моральный климат должен быть оптимальным. Никакого расизма, деления на людей и... ну, вы понимаете. Так что если вам показать комбиона – его или ее – в чем мать родила, в смысле – прямо из процессора, вы скорее всего и не заметите разницы. С другой же стороны, это все-таки не люди, значит – их существование регулируется совсем другими нормами. Иными словами, на Маргину запрещено ввозить женщин – ну и прекрасно; но комбионы – не женщины, а всего лишь вид промышленной продукции, и дизайн не делает артефакт человеком.

Рогнед: Остроумно. Блесна.

Ганиф: Простите, не понял.

Рогнед: Так рыбу удят. Вместо червяка или там живца забрасывают удочку с блестящей железкой или искусственной мухой. Рыба на это клюет. Значит, вы закупили таких дамочек и завезли. Ну и как – клюнули на них ваши аквариумные акулы?

Ганиф: Мы толком даже не успели разобраться. И не потому даже, что это оказалось делом весьма сложным: комбионы вообще находятся лишь в федеральной собственности, их разрешено использовать только в планетарной разведке или в вооруженных силах. Нам, хотя и с трудом, удалось получить десяток, то была целая эпопея. Привезли. А дальше все получилось как-то почти мгновенно: вместо того чтобы объединиться с нашими зэками в здоровый коллектив, «кукушки» просто исчезли. Сбежали.

Рогнед: «Кукушки»?

Ганиф: Это на жаргоне их изготовителей. От QF – quasi females, как бы женщины. Исчезли, и все. Мы и по сей день не знаем: то ли они обитают там где-нибудь в лесах, леса там богатейшие; а может быть, удрали каким-то образом. Для нас главное, что замысел не сработал и ситуация сделалась и вовсе напряженной.

Рогнед: Могу себе представить. Не успели увидеть женщин, как те исчезли. Это куда хуже, чем если бы их вообще не было.

Ганиф: Именно так и случилось. Народ разволновался. А поскольку удрать они не могут, они просто прекратили работу.

Рогнед: Не сказать, чтобы я вам завидовал.

Ганиф: Но мы не сдались. И, похоже, нашли все-таки выход: если не удастся воздействовать на их физиологию, атакуем психику. Не тело, так дух. Предпримем психическую контратаку, чтобы подавить это влияние и заменить его нашим, положительным. Чтобы люди стремились работать, прямо-таки горели таким желанием, а остальные потребности отодвинулись бы на задний план. Конечно, для этого нужен хороший специалист, психооператор – и к тому же управляемый, вы понимаете? Без особых запросов. Потому что если эки поймут, что человека туда прислали для воздействия на них, то... у него смогут возникнуть серьезные проблемы. Очень серьезные. У него – значит, и у нас. Следовательно, этот специалист должен был оказаться таким, что при взгляде на него не будет возникать представления о профессионале, но сложится какое-то другое. В идеале это должна была быть женщина – и привлекательная.

Рогнед: Не совсем понял: какой профессионал вам требуется?

Ганиф: Бывают люди с таким природным даром ненавязчивого внушения; они словно бы ничего не делают, не уговаривают, не настаивают, не заставляют – они просто *сами* настраиваются на такое желание, оно может быть любым – и это желание передается окружающим, они ему не противятся просто потому, что его не ощущают, им кажется, что они сами так решили, возникла в них такая потребность – и люди подчиняются и рады этому. Такие вожаки – скрытые лидеры – чаще встречаются среди политиков, это те, кто осознал свои возможности и стремится ими воспользоваться для собственной карьеры. Людей, знающих о своем даре, но не пользующихся им, немного, и найти их очень нелегко. Нам, однако, удалось уже чуть ли не год тому назад отыскать такого человека и вывести его, так сказать, на нашу орбиту. Вероятность успеха представлялась стопроцентной.

Рогнед: В чем же проблема? Зачем вам мои услуги? Я, во всяком случае, такими способностями не обладаю.

Ганиф: Позвольте мне закончить. Итак, мы нашли, как нам казалось, прекрасный выход. Затратили бездну усилий, но все же получили в свое распоряжение нужного человека. И хотя женщин ввозить на Маргину запрещено, мы нашли способ обойти запрет, простой и элегантный. Для этого надо лишь, чтобы она отбывала срок. А находишься она под смертным приговором, проблем вообще не возникало бы. Мы убедили бы кого следует, что отправка ее на Маргину – всего лишь способ исполнения судебного решения. Но все это так и осталось мечтами.

Рогнед: Почему?

Ганиф: Потому, что она не совершала преступлений и не сидит в тюрьме. А о добровольном согласии речь не идет. Первоначально мы на это и рассчитывали, готовы были предложить исключительно привлекательные условия, на которые она просто обязана была согласиться – исходя из ее жизненного уровня и возможностей. Однако произошло непредвиденное: ее жизненные условия внезапно изменились настолько, что наши предложения оказались ей совершенно ни к чему. И согласие не было получено. И ее, и... другое, главное.

Рогнед: Ах, вот как обстоит дело. Есть некто, чье согласие важнее?

Ганиф: Вы поняли. Она, как мы понимаем, обратила свои способности на человека, рядом с которым работала, пока мы готовили ее к этой миссии, и... Словом, он, во-первых, влюбился в нее, а во-вторых, она внушила ему такие идеи, которые ведут к полному разрушению нашей компании. Поскольку человек этот – наш президент.

Рогнед: Да, вы оказались в незавидной ситуации. Но я ведь предупредил вас: я не нарушаю законов. Насилие – не мой метод. Следовательно, подвести кого угодно под смертный приговор я не возьмусь. Кстати, вы думаете, что, если удастся забросить ее туда, она успеет хоть как-то вам помочь? Я думаю, она не успеет даже начать свои внушения, как изголодавшиеся мужики просто расплющат ее. Даже если бы я находился рядом, мне вряд ли удалось бы защитить... И вам не жалко?

Ганиф: В меру. Женщины вообще выносливы, подумаешь – десяток мужиков. Куда больше мне жаль нас. Компанию. Защиты от вас и не требуется. То, что мы можем сделать сами – сделаем. Там есть комендант и два десятка охранников. А вас мы намерены нанять для того, чтобы вы нашли и осуществили способ получить ее согласие – и отправить женщину на Маргину.

Рогнед: Ну, что же: тут с законом все в порядке, кажется. Хотя задача не из простых.

Ганиф: Следует ли рассматривать ваше заявление как принципиальное согласие?

Рогнед: Вы ведь не сомневались в нем с самого начала. Да, я согласен взяться за это дело – при условии полного содействия с вашей стороны.

Ганиф: В нем можете быть более чем уверены. Однако сделать это необходимо очень быстро.

Рогнед: Ну, если вы уже терпели столько времени, то еще неделя-другая вряд ли сыграет решающую роль.

Ганиф: Вот тут вы, к сожалению, заблуждаетесь. В вашем распоряжении для осуществления этого проекта остается три дня – не считая сегодняшнего. Дело в том, что по причинам, не зависящим от нашей воли или желания, рейсы на Маргину можно осуществлять лишь два месяца в году.

Рогнед: Закажите специальный рейс. Это несложно.

Ганиф: Да у нас каждый рейс туда – специальный. Маргина, вся та звездная система располагается так неудачно, что пользоваться этой трассой с приемлемым уровнем риска можно только так, как я сказал. В другое время... Вам приходилось слышать что-нибудь о сопространственных штормах?

Рогнед: Не только слышать. Но и попадать в них.

Ганиф: Они вот-вот начнутся. Так что или через три дня – или плюс полгода. А за полгода там может произойти весьма многое, и оно вряд ли будет приятным.

Рогнед: Контракт у вас готов?

Ганиф: С вами? Разумеется.

Рогнед: Давайте займемся им. Когда подпишем, вы объясните мне ситуацию в деталях. Не будем больше терять времени. Пока скажите лишь вот что: в какой степени вас будут волновать способы, какими я буду добиваться цели?

Ганиф: Мы предпочитаем ничего не знать о них. Все – на ваше усмотрение.

Рогнед: Тогда все в порядке.

Конец записи.

Когда участники совещания стали расходиться, советник позвал:

– Штель, задержись. И вы, Рен, тоже.

Названные вернулись.

– Как настроение?

– Все в порядке, советник, – сказал Штель.

Рен только кивнул.

– Он что-нибудь знает о совещании?

– Нет. Ничего.

– А о нашем... проекте?

– Ни одна душа.

– Вот так пусть и остается. Только мы вдвоем. Ты готов, Штель?

– Полностью. Но вы не забыли – за вами остается нейтрализация ауры.

– Об этом не беспокойся. Никто не станет копаться в оттисках.

– Не уверен. Если делом займется Казус – вы ведь знаете его? У него там такая пропасть хитрой техники, он только что привез с Теллуса три полных ящика, что сможет зацепиться за любой следочек, пусть двух-, трехсекундный...

– Мы тоже не бедные. И перед тем, как ты приступишь, мы твою ауру подавим так, что никто не учует. А что до Казуса – тем хуже для него. Кстати, и некоторые наши спонсоры – ну, те, что помогают нам с людьми на новой базе – почему-то этим парнем тоже заинтересовались. Думаю, если он нейтрализуется, они не будут огорчены. Я обещал, что мы об этом позаботимся. Так что, Рен, возьми это на себя.

Рен снова кивнул.

– Других вопросов нет, – сказал Штель. – Когда?

– Ждать больше нельзя. Этой ночью.

Штель кивнул.

– Удачи обоим, – пожелал федеральный эконом-советник. – Всем нам.

Глава, следующая за предыдущей

1

Неро, 14 меркурия 127 года. Сетевой инфор «Дни нашей жизни»

«Зора Мель, ранее «сопровождающая женщина» в фирме МГ, последнее время, как свидетельствуют достоверные источники, отдавшая якорь в гавани известного предпринимателя Рика Нагора (все та же компания «Маргина Гравин АО») и скрашивавшая редкие часы его досуга, видимо, тем, что позволяла ему бросать его якорь в ее лагуну, вчера, тринадцатого меркурия, была задержана представителями Службы покоя и доставлена в столичный Дом признаний. Как нам стало известно, в скором будущем ей будет предъявлено обвинение в убийстве ее достойного покровителя, чье имя мы только что назвали. Тем, кто с утра оказался слишком занятым для того, чтобы войти на наши страницы, сообщаем, а остальным напоминаем, что сегодня на рассвете опергруппа СП во главе с вызнательем Смирсом по анонимному сигналу, брошенному в сеть, посетила собственный особняк г-на Нагора, великолепную «Седьмую Звезду» (Фиолетовая просека, 289), где обнаружила его обуглившиеся до неузнаваемости останки без малейших признаков жизни на обгоревшем ковре. Кроме жертвы, в роскошном жилище находилась лишь названная выше дама, никаких признаков того, что ранее там могли присутствовать и третьи лица или лицо, группой не обнаружено. Как заявили нашему корреспонденту представители Службы покоя, подозреваемой в совершении жестокого преступления является не кто иная, как Зора Мель. О ее духовном уровне красноречиво свидетельствует тот факт, что в момент появления группы дамочка крепко спала в соответствующем помещении. Признаков употребления ею (как и убитым) алкоголя или наркотиков пока не обнаружено, однако более скрупулезные анализы, как мы полагаем, могут дать иные результаты. Нам заявили также, что отсутствуют и признаки ограбления, хотя и тут, разумеется, могут возникнуть новые данные по мере углубления следствия. На этот час Зора Мель остается единственной подозреваемой по делу. Поскольку у дамы нет своего адвоката, ей, надо полагать, будет предоставлен казенный защитник. Однако, как неофициально сообщил нам член коллегии защитников, пожелавший остаться неназванным, дело представляется достаточно ясным (убийство на почве бытовой ссоры), так что вряд ли им заинтересуется кто-либо из адвокатов первого ряда, тем более что подозреваемая не располагает никакими собственными средствами, а компания МГ, контролировавшаяся покойным, вряд ли захочет брать на себя какие-либо расходы. Руководство расследованием преступления поручено, как нам удалось выяснить, старшему вызнателью Лену Казусу, известному своей дотошностью и только что вернувшемуся из служебной командировки на Теллус. Вот так чиновники получают удовольствие за счет налогоплательщиков! Следите за нашими дальнейшими сообщениями. Не забывайте, что наш инфор всегда первым знакомит вас со всеми новостями, заслуживающими внимания!»

«Аорта Новостей», утренний выпуск от 13 меркурия:

«Нашим читателям будет интересно узнать, что обвиняемая в убийстве известного Рика Нагора его как бы сотрудница Зора Мель находилась на полном содержании покойного на протяжении последних восьми месяцев, а до того вела, как уверяют ее соседи по прежнему месту жительства, вполне нормальный образ жизни, ни в чем неблаговидном не замечалась, работала, вероятнее всего, на невысокой должности в каком-то учреждении, где и произошло ее знакомство с человеком, павшим ее жертвой. Это подтверждает и квартальный контролер покоя, заявивший: «Она была такая – незаметная, что ли, мышка, а не человек, так что я просто в удивлении. Хотя, конечно, люди меняются, это факт. Кто по образованию? Сейчас вспомню: да, она говорила: специалист по наладке тонких психосистем или что-то в этом роде. Но когда жила тут, по этой части вроде бы не работала. Съехала она отсюда спокойно, говорила, что нашла жилье поближе к работе, а то отсюда приходится, мол, далеко ездить, много времени уходит. Вещи? Помнится, всего было у нее два чемодана, один здоровенный, с антиграв-подушкой, второй небольшой, ручной. Обстановка? Она снимала тут жилище с хозяйской мебелировкой, все осталось, как было. Посмотреть? Ну, это как жильцы позволяют: конечно, квартиру заново сдали, как же иначе?» Вот так характеризуют человека, совершившего, надо полагать, жестокое и беспричинное убийство люди, которые, казалось бы, должны знать ее лучше, чем кто угодно другой. Граждане, действительно ли мы знаем, кто изо дня в день живет рядом с нами? Не следует ли побольше интересоваться этим?»

И еще множество информации в том же духе, столь же мало содержательной, как и приведенные выше тексты.

Хотя главное в них, безусловно, соответствовало действительности.

2

Неро, 13 меркурия

Если не все средства информации, то во всяком случае большинство их старается публиковать самые громкие материалы; но громкие материалы чаще всего не бывают самыми важными: серьезные дела любят тишину. И потому лишь в одном-единственном инфоре, в очень солидном АБ (аббревиатура, напомним, расшифровывается как «Аналитик Бытия») возник небольшой текст:

«Как нам стало известно, позавчера утром в одном из офисов Центра Галактической торговли состоялась встреча представителей фирм, занимающихся как добычей, транспортировкой и сбытом гравина, так и потребителей этого вещества. Некоторые признаки свидетельствуют о том, что бизнес, связанный с гравином, испытывает определенные трудности, и состоявшееся совещание было посвящено именно преодолению возникших препятствий, о характере которых мы постараемся информировать наших потребителей в дальнейших выпусках. Однако некоторое представление о возникших сложностях можно составить исходя из того факта, что одним из участников встречи оказался лишь вчера прибывший на Неро некий господин Рогнед, по неофициальной информации он – известный в узком кругу «мастер ситуаций», и уже само по себе его приглашение говорит о том, что гравиноры столкнулись действительно с крайне серьезной, не исключено даже – катастрофической ситуацией, грозящей, возможно, обрушить всю эту область деятельности, драматические последствия чего нам пока не решились предсказать даже самые авторитетные эконо-прогнозисты Неро. В настоящее время наши аналитики пытаются установить связь между этим событием и почти точно совпавшим с ним по времени (произошедшим, как известно, лишь днем позже) убийством хорошо известного в мире бизнеса г-на Рика Нагора, главы «Маргина Гравин». Г-н Нагор, кстати, в совещании участия не принимал, хотя в тот день находился еще в добром здравии. Следите за нашими выпусками».

3

Неро, ночь с 12 на 13 меркурия

А потом возникли факты. Однако же любой факт может получить объективную оценку лишь в том случае, когда он рассматривается и анализируется не как обособленный эпизод, но как звено между событиями предшествовавшими и последующими; таким образом, в установлении нуждается не только само деяние, вменяемое в вину его исполнителю, но и наибольший, по возможности, отрезок той цепи, в которую инкриминируемый поступок оказался ввязанным. То есть для объяснения одного события необходимо установить и объяснить еще и несколько других, послуживших звеньями этой самой цепи.

А это, как правило, бывает куда труднее хотя бы потому, что эти события, так сказать, второго плана не обращали на себя никакого внимания, когда происходили, поскольку каждое из них на первый взгляд никакого криминала в себе не заключало, а значит, не оставалось в памяти тех, в чьем присутствии реализовалось. И требуются терпение и силы, чтобы восстановить случившееся. Если и не истинную его картину, что вряд ли возможно, то хотя бы слепок с минимальными и не противоречащими логике отклонениями от действительности.

Это осложняется еще и тем, что человек, занимающийся расследованием такого рода, практически всегда бывает ограничен и во времени, и в возможностях установления нужных для полного понимания случившегося фактов, поскольку факты эти могли и в пространстве, и во времени располагаться вовсе не по соседству с местом происшествия, но отстоять от него на дни, месяцы, а то и годы – и на парсеки, кило– и даже мегапарсеки. Существует некая формула, по которой можно определить сложность и даже вообще возможность объективного расследования, а именно: уровень этой сложности и даже сама возможность расследования равна единице, деленной на произведение *а)* числа нуждающихся в установлении дополнительных фактов, *б)* времени, на протяжении которого они совершались и *в)* площади или объему пространства, в котором они разбросаны. Идеальным было бы, если бы это произведение равнялось нулю; но так не бывает, на самом деле оно всегда достаточно велико, и потому возникающее при делении частное оказывается или малым, или очень малым, а то и вовсе исчезающе малым. Печально, но именно так и обстоят дела.

Именно таким грустным размышлениям предавался старший вызнатель Лен Казус, мужчина средних лет, среднего роста и средней внешности – то есть едва ли не идеальный персонаж статистики, усредненный человек. Велико было искушение добавить в эту характеристику еще и определение «средних способностей», но мы не сделали этого просто потому, что с первого взгляда уровень способностей и их характер определить бывает трудно. Он не обязательно связан с горящими глазами, резкими движениями и завораживающим голосом, вообще с какой-либо формой обаяния, а в нашем распоряжении пока только этот первый взгляд и имеется.

Впрочем, тот факт, что Лен Казус уже достаточно долго занимал место старшего вызнателя в отделе сложных расследований столичного департамента покоя и даже устаивался командировок в Большие миры, – сам этот факт должен как будто бы свидетельствовать о том, что какими-то способностями человек этот все же обладал. Хотя бы только что приведенная нами формула говорит об этом, поскольку именно Лен Казус ее вывел и, похоже, до сих пор оставался единственным, кто пытался использовать ее в работе. С переменным, как говорится, успехом.

А невеселые размышления, о которых уже сказано выше, все сильнее овладевали им именно сейчас, когда Лен оказался на месте преступления в ни на чем не основанной надежде вдруг увидеть или понять что-то такое, что до сих пор ускользало от внимания или понимания его коллег. Предмет или хотя бы мысль, какие, подобно дорожному знаку, недвусмысленно

сообщат ему, куда надо свернуть, чтобы добраться наконец до пресловутого пункта Б, к которому стремятся все путники в арифметических задачках для начальной школы (если бы только для начальной!). Потому что та дорога, на которой Лен сейчас стоял, не вела, вероятнее всего, никуда, уже в нескольких шагах теряясь в тумане, густом, словно простокваша.

И это при том, что внешне все обстоятельства дела выглядели совершенно ясными и недвусмысленными. Факт насильственного лишения жизни не подлежит сомнению. Тело имеется. Орудие преступления, правда, не найдено, однако им тут могла оказаться любая спичка или зажигалка. Единственный человек, что во время убийства, а также на протяжении нескольких предшествовавших часов находился в пределах этого жилища, задержан. Никаких следов хотя бы кратковременного пребывания здесь какого-либо третьего лица не имеется. То есть можно не только предъявлять обвинение, но и, проведя как полагается допрос, писать обвинительное заключение и направлять дело в суд, где с ним тоже не возникнет никаких сомнений и сложностей. Еще одна галочка в статистический отчет, и полный порядок.

Так что вроде бы не было совершенно никакой надобности еще раз приезжать сюда, отпирать опечатанную дверь, медленно, как бы лениво вновь проходить по всем помещениям, где имелось все для весьма комфортабельной жизни, какую только и признавал покойный Рик Нагор. И не только проходить, но и время от времени останавливаться, оглядывать все вокруг, стараясь увидеть окружающее не привычным, замыленным взглядом, а как бы впервые в жизни, пуская в ход то одну, то другую принадлежность из достаточно богатого арсенала следственной техники. Нет, не было такой надобности. И все же...

Ответ на этот вопрос, безусловно, следует искать в самой личности следопыта. А именно – в той ее особенности, благодаря которой (хотя благодарить тут как раз не за что, скорее наоборот – можно лишь обижаться на несправедливость судьбы) Лен Казус до сих пор находился на весьма среднем уровне своей карьеры, в уже упоминавшемся нами отделе, в то время как его сверстники и однокашники по Школе покоя успели и в Академии отметиться, и сами уже заведовали отделами, а то и (ну, не все, правда) ходили в заместителях начальников групп с хорошей перспективой быстрого дальнейшего продвижения. И заключалась эта особенность его личности в том, что для успешной работы в каждом отдельном случае ему самым важным представлялась не корпоративная сторона работы, то есть не успешный подбор доказательств вины подозреваемого при каком-то чуть ли не подсознательном отторжении фактов, заставлявших в ней сомневаться; не применение мер давления на обвиняемого; и даже не успешное завершение расследования и в итоге – выигрышный облик работника на фоне подразделения, а подразделения – на фоне отдела, а всего отдела – по сравнению с другими, и так далее. Для Лена Казуса главным почему-то было другое: его идущая откуда-то изнутри, из подсознания, что ли, убежденность в вине именно этого фигуранта, и ничья другая. Когда такая убежденность возникала – а случалось это далеко не в каждом деле, – ему иногда удавалось совершенно, казалось бы, невозможное. Он добывал доказательства и там, где их вроде бы не могло быть даже теоретически, так что коллеги лишь качали головами, удивляясь. Зато если такого ощущения у него не было, то он медлил, занимался поисками еще чего-то и еще чего-то, что или поможет возникнуть уверенности в справедливости обвинения, или, напротив, позволит доказать, что обвиняемый совершить инкриминируемого не мог, и надо его выпускать и искать другого; это вело к затяжке, к нарушению сроков следствия, порой к приостановке дел, поскольку подлинному виновнику была дана немалая фора, которую тот и использовал, чтобы запутать или вовсе уничтожить следы.

В среднем на два-три успешных дела у Казуса приходилось одно вот такое – с его точки зрения, не совсем неудачное, потому что, во всяком случае, за решетку не отправили нечастного к преступлению человека; но с точки зрения начальства – провальное.

Вот причина, по которой он застрял на этом вот невысоком уровне, и – откровенно говоря – не очень-то надеялся на хоть какое-нибудь продвижение. Так что все чаще приходила ему

в голову мысль: а не сменить ли профессию – пока есть еще какое-то время для жизненного маневра? Сперва идея казалась ему дикой, но со временем он стал к ней привыкать, потому что привыкнуть можно к чему угодно – кроме, может быть, зубной боли.

Но, наверное, достаточно сказано о человеке, время обратиться к его действиям.

А они заключались в том, что Лен Казус, завершив медленный обход территории, на которой было совершено преступление, сделал следующее. А именно: установив в середине комнаты, в которой было обнаружено тело, принесенный с собою штатив, укрепил на нем аппарат, видом своим более всего походивший на древнюю фотографическую пластиночную камеру, только без оптического объектива. Его заменяло устройство, напоминавшее сильно уменьшенную параболическую антенну, в то время как место окуляра занял небольшой дисплей. Затем Лен Казус включил блок питания всей этой системы, исправно выщипывавший энергию из окружающего пространства, задал проверочный тест и, убедившись в том, что прибор находится в полном порядке, принялся за то, ради чего, собственно, и пришел сюда. За тщательное снятие следов со всех предметов, находившихся в комнате – в надежде найти что-то такое, что до сих пор ускользало от всех, производивших осмотр и анализ места происшествия.

Излишне говорить, что речь шла не о банальных отпечатках пальцев, а то и, еще смешнее, обуви или каких-нибудь микрофрагментов материалов, оставленных при соприкосновении одежды побывавших здесь людей с предметами обстановки, стенами, дверями и так далее. Все следы такого рода были обнаружены и зафиксированы еще в самом начале работы и соответственно занесены в протокол. На их наличии (или отсутствии) и основывался, собственно, вывод, к которому пришло следствие: что самое малое за предшествовавшие убийству сутки никакого третьего лица ни здесь, ни во всех прочих помещениях этого жилища не появлялось, да и после него тут побывали только лица официальные представители Службы покоя и участники следственной группы. Лену Казусу это было прекрасно известно. Так что следы, которые он пытался, может быть, даже надеялся найти, принадлежали совершенно к другой области явлений, а именно – к отпечаткам полей, или, иначе говоря, ауры тех людей, что побывали здесь и до совершения преступления, и во время него, и после, вплоть до настоящей минуты и секунды.

Нет сомнения в том, что сегодня, в последней четверти третьего тысячелетия по принятому летоисчислению – или же во втором столетии существования Галактической Федерации, – все то, что касается человеческой ауры или постоянного излучения тонких тел человека (можно назвать и так), хорошо известно. Так что вряд ли нужно подробно останавливаться на этих материях. Достаточно будет напомнить, что любой человек (да и не только человек, а всякое существо, к которому можно применить определение «живое») постоянно излучает в окружающее его пространство свою энергию, и энергия эта неизбежно оказывает влияние на все окружающее и определенным образом изменяет его структуру – подобно тому как свет изменяет структуру светочувствительных веществ или то же самое электромагнитное поле в других частотах делает возможным запись на магнитном носителе. Разница лишь в том, что создать экран для световых частот очень легко, да и для других – не многим сложнее, а для ауры таких экранов пока не создано, и еще, пожалуй, в том, что уничтожить, стереть магнитную запись не составляет никакого труда, фотографическую – пока она не зафиксирована – тоже, но что касается того поля, о котором сейчас идет речь, – таких способов существует, по сути дела, лишь один: полностью уничтожить облученный аурой предмет или хотя бы радикально снять поверхностный слой. А если при этом еще учесть, что всякое живое существо обладает собственной, единственной в своем роде характеристикой ауры, то становится понятным, что такие следы, сохраняющиеся если не вечно, то во всяком случае так долго, как долго существует предмет, ставший их носителем, – такие следы в качестве судебного доказательства могут играть куда более значительную роль, чем папиллярные линии, следы ДНК или радужная оболочка глаза.

Могут, да, однако же, не играют. Просто по той причине, что всякая система судебных доказательств является весьма инертной, и не зря: любое новое явление неизбежно должно пройти проверку временем, чтобы дать возможность убедиться в том, что оно достаточно надежно (в идеале – абсолютно надежно), не может подвергаться противоречивым истолкованиям при судебном разбирательстве, не может подвергаться искажениям при постороннем воздействии на технические средства, при помощи которых доказательство обнаруживается и фиксируется, или же фальсификация его может быть легко и недвусмысленно обнаружена... Короче говоря, условий множество, а чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, как долго были лишены доказательной силы хотя бы аудио– или видеозаписи. Что же касается аурооттисков, как чаще всего называют явление, о котором идет речь, то оно еще далеко от общего признания хотя бы потому, что для выявления его требуется техника, на порядок более сложная, чем та, что применяется обычно при выполнении следственных действий. И уж совсем немного достижений имеется в деле фиксирования найденных следов: пока просто нет способов их копирования на любой другой носитель, а следовательно, такие следы нельзя предъявить в качестве доказательства в судебном заседании, можно лишь перенести это заседание в то место, где эти следы обнаружены и сохраняются. Но это весьма часто не может быть реализовано по чисто практическим причинам да и, по представлениям самого суда, никак не повышало бы его авторитет, превратив суд в подобие девушек по вызову (сравнение принадлежит не нам, а одному из наиболее достойных и многоопытных членов Верховного суда Неро). Вот почему следы ауры до сих пор не являются судебным доказательством. То есть юридической силы не имеют.

Ну да; но всякий, кому приходится заниматься расследованием, отлично знает, что юридическая сила – одно, а практическое значение для следствия – совершенно другое. Скажем, для суда официально не существует такого понятия, как «оперативные данные» – то есть информации, носитель которой не может быть вызван в суд в качестве свидетеля и даже письменных показаний давать не станет из соображений самосохранения; речь идет о том, что в просторечии называется «стуком». Для суда, повторяем, такого явления как бы не существует, оно не предусмотрено ни одной процессуальной нормой. Но что делало бы следствие, если бы ему пришлось отказаться от негласных информаторов? Блуждало бы в лабиринте висящих, нерасследованных дел, только и всего. Поэтому на деле ответы на вопросы «кто» и «как» весьма часто получаются именно по оперативным каналам, а уже затем происходит их закрепление – иными словами, искиваются доказательства, которые можно официально представить в суд. То есть следствие идет не по теоретически гладкому пути «Факт – доказательства – раскрытие», но по практической тропе: «Факт – раскрытие, то есть установление виновного и способа совершения преступления – доказательства, то есть перевод полученной информации на процессуально безупречный язык».

И вот именно по этой причине старший вызыватель Лен Казус не поленился притащить в апартаменты покойного Рика Нагора только что привезенный с Теллуса (а другого в отделе и не существовало) ауроскоп, установить его и очень внимательно, миллиметр за миллиметром, по площади и в глубину, сканировать стены, мебель и все вообще, что эти стены в себе заключали. Он знал, что в суд он с этим не пойдет; однако, чтобы успешно завершить начатое дело, ему нужно было прежде всего убедить себя самого, что других версий в нем возникнуть не может, что подозреваемая девушка действительно виновна, и все, что ему остается, это подтвердить незыблемость обвинительной базы, подтвердить с легким сердцем.

Пока, во всяком случае, такой легкости он не ощущал. И потому свою первую более или менее серьезную встречу с подозреваемой откладывал до той поры, когда в нем вызреет достаточно основательное ощущение ее виновности – или же наоборот. Именно от этого зависело, в какой тональности и по каким линиям он начнет и поведет свой первый обстоятельный разговор. Слова «допрос» Лен Казус не любил и употреблял его лишь в сугубо официальных

текстах. Конечно, Лен успел уже увидеть Зору Мель сразу после того, как задержанную доставили в Дом признаний: первый взгляд всегда был для него очень важным, именно при нем и возникало подсознательное ощущение: да или нет. Но видел он ее, так сказать, из укрытия, сам же ей на глаза не показался, собираясь сделать это лишь тогда, когда его мнение о ней не только сформируется, но и получит какую-то опору в найденных или не найденных доказательствах. И вот за ними-то он сюда и пришел, потому что ясным было: если убила не она, то кто-то третий тут просто обязан был находиться.

Сейчас, однако, о своих ощущениях Лен больше не думал, зная, что в работе, которой занимался, важнее всего – полная концентрация внимания и мышления на том, что возникает перед его глазами на матовом и, к сожалению, не обладающем хорошим разрешением экране. Он не хотел упустить ни одной детали, способной натолкнуть его на какие-то новые мысли и подсказать необходимость неких действий, каких он сейчас и не представлял. У Лена Казуса было хорошо развито именно интуитивное мышление; и не что иное, как интуиция, подсказывало ему, что тут, очень возможно, не все так просто и прямолинейно, как кажется на первый взгляд.

4

Неро, «Дом признаний», утро 13 меркурия

Зоре Мель очень хотелось проснуться.

Она всегда старалась проснуться, когда ее посещало какое-то дурное сновидение. Это, правда, случалось достаточно редко, потому что в жизни ее в последнее время происходило мало такого, что могло бы потом выливаться в страшные или хотя бы просто неприятные сны.

А вот на этот раз ее достало.

Сон ее заключался в том, что, уснув накануне после очень значительного в ее жизни, совершенно счастливого дня, а потом и после хорошего, приятного вечера, проведенного вдвоем с Риком в обычных, но от этого вовсе не приедавшихся занятиях, то есть в наслаждении музыкой и любовью, – а кроме того, в неожиданно важных и серьезных разговорах, она якобы (так Зоре привиделось) проснулась раньше обычного, и проснулась не так, как с некоторых пор стало привычным, не плавно переходя от сонного забытья в спокойную, добрую и потому радостную реальность, но совершенно иначе: ее как бы силой, достаточно грубо, вырвали из приятной расслабленности какие-то совершенно ей не знакомые и непонятно как оказавшиеся тут люди, невежливо глазевшие на нее и нехорошо усмехавшиеся. Никак не отвечая на ее недоуменные вопросы, ее насильно, крепко схватив за руки, вытащили – другого слова тут не найти было – из постели, в спальне отчего-то стоял дым и отвратительно пахло, так что она сильно закашлялась. Но ее не выпустили, единственное, что ей позволили сделать, – это кое-как прикрыть наготу (потому что спала она совершенно нагой, тут ей стесняться было некого, а любоваться собой она Рику позволяла и от этого испытывала радость), потом, подхватив под руки, повели, даже не спрашивая ее согласия, в «музыкальную» комнату, и там она сразу увидела обугленное тело – на обугленном же ковре, усеянном какими-то белыми каплями или крошками, – и, отлично сознавая, что это всего лишь сон и никак не может быть реальностью, она не стала удивляться или ужасаться, потому что во сне ничему не удивляешься, что бы ни происходило – все кажется нормальным, закономерным, а в подсознании постоянно присутствует ощущение того, что это всего лишь сон, который можно по желанию, с большим или меньшим усилием, прервать – и даже постараться запомнить, чтобы потом рассказать о нем как можно подробнее. Так что, увидев тело, выглядевшее как побывавшее в камине или на костре бревно, да еще каких-то совершенно неизвестных людей, Зора постаралась сохранить спокойствие, не произнесла ни слова, мысленно же сказала то ли себе, то ли кому-то другому лишь одно: «Хочу проснуться!» и напряглась, чтобы осуществить это желание.

Ничего, однако же, не изменилось, и люди, и тело, и вонь, и она сама, полуголая – все осталось на местах. Наверное, подумала она, это потому, что ее крепко держали и тем самым мешали выйти из сна. Она дернулась, пытаясь высвободиться, но не удалось, чужие пальцы еще крепче стиснули ее плечи, причиняя боль; и боль оказалась почему-то настоящей, очень реальной. «Не сон?!» – мелькнуло в сознании. И сразу же налетел, охватил, вихрем закрутил ее дикий, небывалый страх, а за ним пришла темнота.

Через какое-то время она снова стала осознавать, ощущать себя. Не сразу открыла глаза, промедлила с этим, позволяя себе полностью успокоиться, в мыслях проиграть то, что ей сейчас предстояло: на сей раз настоящее пробуждение в нормальной, привычной, доброжелательной обстановке. Окончательно убедив себя в том, что именно так сейчас все и произойдет, Зора медленно, как бы с ленцой, стала открывать глаза. Шире, шире...

И сразу же закрыла их, крепко стиснула веки. Потому что все тот же сон продолжался.

Или все же не сон? Потому что снаружи, вне ее, мужской голос – но не Рика – явственно проговорил:

– Очнулась.

– В машину ее, – ответил другой.

– В таком виде?

– Ну, пусть оденется. Кто у нас тут из женщин?

И только сейчас страшная истина стала доходить до Зоры. И она закричала неизвестно откуда взявшимся, ненормальным, своим голосом:

– Не-е-ет! Не хочу-у-у!

– Да открой глаза! – посоветовала уже женщина.

– Не хочу-у-у!..

– Смотри ты, – проговорила полицейская женщина, ни к кому, в частности, не обращаясь, – как убивать, так все они такие прыткие. И не думают, что отвечать придется по полной. И чем только думают?

– Я не убива-ала!

– Кто бы поверил. Колись лучше сразу – будет облегчение...

5

Неро, особняк Нагора, поздно вечером 13 меркурия

В работе с ауроскопом ничего особо сложного вроде бы и нет. Сканирование можно вести в автоматическом режиме, задав нужный, по выбору оператора, алгоритм, или же действовать вручную, что дает возможность в любом месте, какое показалось интересным, остановить движение и рассматривать, анализируя возникшую картинку столько времени, сколько потребуется: известно ведь, что следы никуда не денутся, они закреплены в материале чрезвычайно надежно, и увидишь ты их спустя минуту или час – никакой роли не играет.

Если, во всяком случае, в работу не вмешается какая-то посторонняя сила.

Лен предпочел на этот раз действовать в ручном режиме и медленно, осторожно, по долям градуса, по угловым минутам и чуть ли не секундам, поворачивал верньер, углубляясь – в данном случае – в ту часть стены, перед которой располагался невысокий кофейный столик и подле него два глубоких кресла. Именно тут, по соображениям Лена, люди должны были находиться чаще, чем в других местах комнаты, а значит – оставить более четкие, надежные следы. Сегодняшние, вчерашние, недельной давности, годичной... Следы эти лежали слой за слоем, и мощность каждого слоя была микроскопической, порой трудно было сколько-нибудь точно установить границу между ними – этим и вызывалась медленность продвижения. К тому же он выбрал вектор движения не против тока времени – от последней минуты назад, ко все более ранним временам, – а, наоборот, по ходу, то есть сперва углубился до последнего возможного рубежа (хронограф показал, что рубеж этот отстоял всего лишь на полтора года от нынешнего дня, поскольку здание и было построено именно столько времени тому назад). Лен в очередной раз удивился тому, что и самые ранние следы оставались четкими, ни в чем не уступая последним, совсем свежим; всегда он удивлялся этому – и радовался, конечно, тому, что не приходится ломать голову, определяя принадлежность каждого отпечатка, но одновременно и жалея о том, что никак не удастся зафиксировать то, что видно было на экране: сколько ни пытались записать любым способом наблюдаемое кружево линий, результат всегда был одним и тем же: пустота, ни единой точки. Наверное, думал он, когда-нибудь найдется все же такой способ; но от того, что будет когда-нибудь, сегодня легче не становилось.

Он потратил немало времени, пробираясь сквозь самые ранние следы, потому что их было много: сперва отпечатки операторов строительной техники, потом – отделочной. Однако все они, к счастью, прерывались достаточно далеко от нынешних дней, и чем ближе к современности – тем следов становилось меньше, да и по времени они были весьма короткими: уборщики, люди, привозившие и размещавшие мебель, несколько человек, уже вручную вносивших изменения в отделку в соответствии с пожеланиями владельца. Лишь немногие оттиски создавали во времени цепочки, встречаясь раз за разом все ближе к сегодняшнему дню: приходящая прислуга и различные люди, являвшиеся кто, видимо, с деловыми визитами, а кто просто в гости; эти различались по времени своего пребывания в доме, визитеры не оставались надолго, гости же порой – на дни и недели; всегда женщины. Однако чем ближе Лен подходил к нынешним дням, тем следов, к его удовольствию, становилось меньше, и на долю последнего месяца их вообще вроде бы оставалось лишь два: покойного владельца и женщины, виновность которой в убийстве для Лена Казуса оставалась еще весьма сомнительной. Во всяком случае, недоказанной.

Он подумал, что интересно будет проследить именно историю этого женского следа: когда он возник впервые, как менялась частота его появлений в этом доме и продолжительность пребывания – до того, как оно стало постоянным. Не очень понимая, зачем это может ему понадобиться, Лен Казус занялся этим, скорее всего, просто по интуитивному ощущению. Мысль такая возникла в то время, когда он уже вернулся в сегодняшний день и, ощутив уста-

лость и поняв, что проголодался, хотел уже выключить аппаратуру: все, что он мог тут увидеть, по сути дела, было уже просмотрено, никаких неожиданностей не встретилось, можно было поставить большую точку и решить, что в этой квартире, во всяком случае, нельзя найти ничего такого, что позволило бы и дальше сомневаться в причастности Зоры Мель к убийству. Что же: отрицательный результат, как известно, не менее важен, чем положительный. Но когда он уже взглянул на пульт прибора, чтобы взглядом подать команду на выключение, что-то – та же интуиция? – заставило его вместо этого закрыть глаза и в таком состоянии, ненадолго отключившись, все-таки прийти к выводу: этот женский след, след Зоры Мель, надо выделить и проследить на всем его протяжении, до самого первого появления здесь. Зачем? Ну, хотя бы для того, чтобы позже, разговаривая с нею и задавая вопросы, можно было бы ловить ее на неточностях, умолчаниях, а то и просто на лжи – и таким способом заставить ее давать правдивые и полные показания. Такой возможностью никак не следовало пренебрегать.

Поскольку речь теперь шла лишь о выделении одного-единственного следа, времени на это действие должно немного. Во всяком случае, – так подумал между прочим Лен Казус, – с голоду он умереть не успеет.

Успокоив себя на этот счет, он постарался тут же забыть и о еде, и вообще обо всем, что не относилось к сиюминутной работе. Зафиксировав нужный след, выделив его из всех прочих, он уточнил настройку ауроскопа и пустился в путь.

Однако уже через пятнадцать с небольшим минут ему пришлось остановиться. Вернуться на несколько минут назад. Покачать головой, что должно было выражать сильное сомнение. Еще раз проверить настройку аппаратуры и не заметить при этом никаких сдвигов, сбоев, дефектов. Прибор работал, приходилось признать, безукоризненно. Но ничего подобного нельзя было сказать о той картине, которую он стал показывать. Нельзя было сказать, и уж совсем невозможным казалось – объяснить.

Правда, сначала Лен решил, что объяснение было простым: второй след был всего лишь отражением первого в зеркале. Но немного подумав, усомнился в таком объяснении. Хотя бы потому, что отражение любого предмета в зеркале является не реальным телом, а всего лишь изображением, и потому не должно оставлять материальных следов. В таком случае возникало предположение о том, что у этой женщины могла существовать сестра-близнец, посещавшая ее здесь. Стоит проверить.

Наверное, Лен Казус и остановился бы на таком истолковании увиденного, и успокоился бы. Ему, однако же, помешали два обстоятельства.

Первое заключалось в том, что почти нечаянно в самом верхнем, сегодняшнем слое он вдруг увидел такое... такое!.. Вот он – конец нити, за который нужно лишь крепко уцепиться, чтобы... и это на миг отвлекло его.

Обстоятельство же номер два, если исходить из его физических характеристик, можно было бы определить как крайне ничтожное – потому что масса его составляла что-то около десяти граммов, всего лишь. Но если учесть скорость, с какой это обстоятельство передвигалось в пространстве после того, как покинуло канал ствола (калибра 11 мм), преодолело расстояние около пятидесяти метров, соприкоснулось с оконным стеклом, проделало в нем аккуратное круглое отверстие, пролетело еще пять метров и завершило свой путь в теле старшего вызнателя Лена Казуса, войдя в него в районе левой лопатки – если учесть все это, то придется признать, что обстоятельство оказалось вполне достаточным для того, чтобы немедленно прервать работу Лена и поставленные им вопросы оставить без ответа. А поскольку автор выстрела находился, как уже сказано, в полусотне метров, а точнее – по ту сторону улицы, то в этом помещении никаких следов его не осталось. Это должно было, конечно, затруднить поиски стрелявшего – хотя, откровенно говоря, нигде не сказано, что его станут разыскивать всерьез.

Впрочем, формально, конечно, какие-то меры будут приняты: застрелить работника Службы покоя – дело все-таки незаурядное, и без какого-то шевеления тут никак не обойтись. Но для этого сперва нужно хотя бы констатировать факт; а это вряд ли произойдет в скором будущем, потому что Казуса сюда никто не посылал и задания такого ему не давал, но все это было предпринято им по собственной инициативе и без предварительного доклада начальству. Так что еще пройдет время, прежде чем его хватятся и начнут искать. Вот так сложились дела; можно подумать, что первое совершенное тут преступление, скучая в одиночестве, поспешило пригласить в гости второе – и оно явилось незамедлительно. Ну что же: все может быть, и тем, кто занимается следствием, это известно лучше, чем кому-либо другому.

Однако бывает так, что какая-то случайность нарушает логичный ход событий. Вот и на этот раз так получилось: у самых дверей теперь уже никем не населенного дома Нагора совершенно случайно едва не столкнулись два человека. Дом не был освещен, и каждому из них разглядеть другого не удалось. Но судя по тому, как они отпрянули друг от друга, можно предположить, что встреча для обоих оказалась неожиданной и нежелательной.

Впрочем, отреагировали они на нее по-разному. Один – тот, что приблизился к дому, перейдя улицу от строений напротив, – в следующее мгновение повернулся и торопливо зашагал прочь, с трудом, похоже, удерживаясь от того, чтобы не перейти на бег. Второй же остался на месте, хотя в первый миг – так могло показаться – хотел кинуться вдогонку. Но делать этого не стал, а снова приблизился ко входу, без труда отворил дверь, вошел, затворил ее за собой и поднялся на второй этаж, где достаточно уверенно нашел ту самую музыкальную комнату, где совершилось убийство, и вошел в нее.

Однако, увидев лежащее на полу тело Лена Казуса, ночной посетитель явно растерялся, хотя и ненадолго, и несколько секунд простоял неподвижно, словно не зная, что предпринять, и даже сделал шаг назад, к двери. Но не ушел, напротив, приблизился к телу, опустился на колени и, видимо, вскоре убедился в том, что лежащий мертв. И снова посетитель как бы впал в нерешительность. И лишь еще через несколько секунд, почему-то пожав плечами, подошел к коммику, набрал номер Службы покоя и через носовой платок сообщил о трупе. Выслушав требование остаться на месте, ответил согласием, после чего немедленно спустился по лестнице, вышел из дома так же тихо, как и проник в него, и удалился в том направлении, куда ушел и испугавшийся его ночной прохожий, которого, конечно, уже и след простыл.

6

Неро, Дом признаний, 13 меркурия

И все-таки это оказалось не сном, но явью, хотя и куда более нелепой и необъяснимой, чем бывают самые фантастические сновидения. Может быть, Зора еще долго не примирилась бы с этой мыслью, но ей помог вскоре навестивший ее человек. Хотя, пожалуй, неверно сказано, что он навестил ее – потому что дело происходило уже вовсе не в том месте, которое она привыкла считать своим домом, где и до сегодняшнего дня чувствовала себя, в общем, хозяйкой, потому что Рик и раньше относился к ней именно так, а ни в коем случае не как к подружке на время, какая бывает нужна только для постели. Вот там ее можно было посещать, навещать, наносить визиты. Но сейчас не к Зоре приехали, а ее привезли, не спрашивая согласия, в такое место, где ей бывать до сих пор не приходилось, и не только бывать, но и думать о нем не возникало ни малейшего повода; в Дом признаний, вот куда ее доставили, вот где она по-настоящему стала приходить в себя. И хотя водворили ее в отдельное помещение, Зора не могла и не хотела чувствовать себя здесь хозяйкой, так что вернее было бы сказать, что это ее доставили сюда для визита, пусть даже человек, державшийся здесь хозяином, пришел к ней, а не она к нему, все равно – она видела себя тут лишь гостьей и очень надеялась, что кратковременной. Потому что, зная, в общем, что такое Служба покоя, она не могла найти ни малейшей причины своего пребывания здесь – или еще где-нибудь похуже. Никакой вины она за собой не чувствовала, сколько ни пыталась понять, что к чему; единственным, что могло прийти ей в голову, было, может быть, то, что само ее пребывание в доме Рика Нагора каким-то образом нарушало какой-то закон, ей совершенно неведомый; но даже и это произошло никак не по ее инициативе, хотя и с ее согласия. Мысли же, что в совершенном убийстве могут обвинить именно ее, у Зоры, как ни странно, даже не возникло.

К тому же со вчерашнего дня она имела уже и полное законное право находиться там в любой час дня и ночи; может быть, люди просто не успели узнать об этом? Что же, она поставит их в известность. Если же дело заключалось в том (наконец осенило ее), что ее подозревали в убийстве Рика, то ей лучше, чем любому другому, было известно, что она этого не делала, и потому твердо верила в то, что люди, которым поручено расследовать это дело, иными словами – установить истину и найти преступника, – действительно будут стараться установить подлинного виновника, а вовсе не того, кого обвинить проще и легче всего; того, кто оказался под рукой.

Так что на этот счет у Зоры особых тревог не возникало, тут все было понятно, и подозрение, если оно и возникло, должно было отпасть по ходу расследования как бы само собой. Рассуждая таким образом, Зора в конце концов сумела убедить себя в том, что задержание ее – вещь совершенно естественная, и столь же естественным будет скорое освобождение – скорее всего, даже с извинением; так что сейчас ее стали занимать совершенно другие вещи.

Но почему-то не те, которым, наверное, следовало сейчас занимать все ее чувства и мысли. Не ужас, которому следовало возникнуть при виде насильственной и кровавой смерти человека, практически самого близкого ей и плотью, и, пожалуй, духом – не говоря уже о том, что это он кормил и одевал ее и вроде бы собирался продолжать делать это если и не всю жизнь, то, во всяком случае, достаточно долго. Не страх (ведь и ее могли так же убить, как знать?), не отчаяние и горе.

Этого почему-то не было.

Ужас был, и слезы, и едва ли не истерика – когда ее заставили увидеть тело-головешку на полу. Но все прекратилось сразу, как только Зора перестала смотреть на жертву. Словно какая-то ломка, крутая и мгновенная, произошла в ее сознании, а может быть, и в подсознании. Сейчас Зора испытывала какое-то странное спокойствие – но не спокойствие безвыходности,

когда кончаешь сопротивляться и опускаешь руки, а другое – какое приходит, когда заканчивается ожидание чего-то, и оно наступает; приходит пора действий, и не остается времени на страх. Вот и думала она сейчас о другом: вспоминала вчерашний вечер во всех подробностях – а это было очень важно.

Но вспомнить удалось почему-то лишь до некоего рубежа; дальше был провал. Необъяснимый, но несомненный. И вот это с каждой минутой беспокоило ее все больше: пусть провал был достаточно кратковременным – по ее ощущениям, час, никак не более полутора, – но за такое время могло случиться много всякого. Именно в это время и произошло убийство. Кто-то ухитрился поставить блок в ее сознании, изолировать ее память. Кто? Зачем?

Нахмурившись, Зора приказала себе не думать об этом: чем активнее она будет пытаться взломать этот блок, тем прочнее он будет становиться: что такое «самосохраняющийся блок с обратной связью», она знала давно, просто обязана была знать, как профессионал. И, наоборот, отгоняя мысли о нем, она ослабит блок и дождется мгновения, когда подсознание справится с ним и нейтрализует, как антитела в организме побеждают заразу, вторгшуюся извне. Думать о чем-то другом. О чем угодно.

Ярче всего оказались воспоминания. Может быть, потому, что та часть ее жизни, которую можно было точнее всего назвать «днями Рика», теперь, безусловно, завершилась, приобрела четкие границы во времени, так что можно стало видеть ее и по частям, в деталях, и в целом, от начала и до конца. А это всегда нужно: когда возникает необходимость перейти к новому жизненному этапу, оценить результаты того, что уже завершился, и сделать какие-то выводы – если, конечно, их вообще можно сделать. И потому сейчас именно воспоминания овладели женщиной.

Тогда все шло как-то необычно – или, точнее сказать, ненормально. Начиная с самого знакомства. Оно произошло на одной из презентаций, какие давно уже стали привычными, Зоре такие тусовки не очень нравились, она в свободное время предпочитала одиночество, потому что по натуре была мечтательницей, а мечтается именно в одиночестве, когда другие люди не отвлекают внимания и не требуют каких-то действий. В тот раз общественности представляли какой-то новый видеоканал с суперсовременным техническим обеспечением; Зоре и в голову не пришло бы появиться там, если бы презентация не происходила в Сиреневом доме – так назывался обширный зал общего назначения, где можно было, арендовав его, устраивать что угодно – от боксерского матча на первенство мира до Федерального съезда любой, даже самой крупной политической партии, которых было, наверное, не меньше, чем в Галактике звезд. Зора работала именно в этом зале, в группе хозяек, так что присутствовать там ей пришлось по обязанности.

Как она, ценный специалист, профессионал, оказалась в таком месте? Да по той причине, что ни в одном другом психооператоры не требовались. Неро – это не Теллус и не Армаг, где таких, как говорится, с руками отрывают; здесь подобные понадобятся лет через пятьдесят, ну самое лучшее – через двадцать. Образование Зора получила именно на Армаге, и там ее предупреждали об этом, приглашали остаться. На Армаге получить работу по специальности не составляло большой проблемы. Она отказалась, по сути дела, из-за честолюбия. Амбиции требовали стать в своем мире первой, оставить след в его истории. Оказалась же Зора не первой, но нулевой. Поняв это, она всерьез задумалась о возвращении на Армаг; но, оптимистка по характеру и упрямица к тому же, решила, что дождется своего часа здесь. К тому же вернуться на Армаг означало бы признать свое поражение, а на это она никак не могла пойти. Не потому даже, что люди сказали бы: «Ты проиграла», но по той причине, что она сама себе сказала бы то же самое. Честолюбие же с такой возможностью никак не желало мириться, значит, предстояла бы жестокая борьба с самой собой, которая могла закончиться самым скверным образом. Вот почему Зора Мель решила терпеливо ждать, а зарабатывать на жизнь можно было и другими способами. Хотя бы в том же Сиреневом доме.

Вот там они и познакомились. Ее просто, как говорится, подключили к этому человеку – чтобы ему церемония не показалась слишком скучной, так было принято и, как правило, ни к каким отношениям не вело: пообщались час-другой – и благополучно разошлись, чтобы уже на завтра забыть друг о друге. Конечно, и при этом возникало какое-то представление о кратковременном партнере, которого обслуживаешь, он мог понравиться, а могло быть и наоборот. Прощаясь, можно было испытать мгновенное сожаление о том, что вечер уже закончился, но чаще приходило чувство облегчения: отработала день, все прошло спокойно и благополучно – и чудесно, дома можно будет спокойно отдохнуть, расслабиться. Вся эта работа никогда не выходила за рамки приличия, не приводила в постель, правила игры были всем давно и хорошо известны. И в тот раз ничто не подсказало Зоре, что с этого вечера события начнут развиваться совершенно по другой схеме.

Он – Рик Нагор – сначала показался ей никаким. То есть не вызвал ни особой симпатии, ни раздражения – человек как человек. Да, явно из богатых – но иначе и быть не могло, к бедным, если они сюда и попадали, хозяек не подключали, не было смысла. Что касается людей значительных, то заранее было известно, что они уже разобраны, и если кто-то и появлялся тут без женщины, то это вовсе не означало, что они свободны: просто человек мог приехать из другого города, а то и вовсе мира, приехал по делам, а в таких случаях семью с собой не возят. Так что строить какие-то планы было бы пустым занятием. Даже если объект с тобой заигрывал, это не стоило истолковывать превратно: такое поведение тоже входило в правила игры.

С другой стороны, Зоре показалось, что и она на него не произвела какого-то серьезного впечатления. Глаза его оставались равнодушными, хотя в остальном он вел себя так, как и полагалось: улыбался, поддерживал разговор – легкий треп, ни к чему не обязывающий, предлагал выпить. Зору это, в общем, не удивило: говорило лишь о светском опыте человека. Что же касалось оценки, которую он ей, видимо, дал (явно не очень высокую), то и это было для нее в порядке вещей: она знала, что не принадлежит к тем, в кого влюбляются с первого взгляда, не было в ее облике ничего бросающего, такого, что заставляет прохожих на улице оглядываться и провожать глазами, мысленно сразу же укладывая в постель. Она была скорее устрицей: ее надо было сперва раскрыть – не без усилий, и только после этого можно было оценить вкус.

Это, впрочем, не вызвало у нее какого-то чувства ущербности. Наоборот. Потому что тот сексуальный опыт, какой у нее имелся, – небольшой, но весьма определенный – заставлял ее внутренне опасаться возможных отношений такого рода; был этот опыт неудачным и, как нередко бывает, заставил ее думать, что эта область жизни – не для нее. Она не любила ни хитрости, ни профессионального умения соблазнять, потому что наступившее потом разочарование оказалось куда более болезненным, чем все то, что казалось привлекательным до того, как она это испытала. Когда эти кратковременные отношения закончились, она, переживав какое-то время, поплавав и поругав саму себя за глупость и доверчивость, решила, что любопытство ее утолено, женщиной она уже стала – и этого достаточно. Собственно, по этой причине она, попав на нынешнюю работу, на ней удержалась: хозяйки не должны были быть падкими на скорое сближение, владельцы Сиреневого дома очень заботились о том, чтобы их заведение не принимали за бордель, а хозяек – за проституток, пусть и достаточно высокого уровня. Так что все они – и Зора в их числе – прекрасно умели сохранять дистанцию между собой и клиентом, и чем проще и легче это достигалось – тем было лучше и приятнее. Так что отсутствие какого-то внутреннего интереса к себе – речь не шла о формальном, обязательном – она восприняла с облегчением.

Тот вечер прошел благополучно, ничто не раздражало ее в поведении гостя, ничто не удивило – кроме разве того, что, когда презентация уже завершилась и приглашенные стали откланиваться, Нагор обратился к ней со словами, совершенно неожиданными:

– Милая Зора, вечер был прелестным, и я очень вам благодарен. Знаете, мне хотелось бы сохранить что-нибудь на память о нем – и, разумеется, о вас.

«Вот еще новости, – подумала она, стараясь, чтобы неприязненное удивление никак не отразилось на ее лице. – Еще понятно, если бы это он мне предложил пустячок на память; но просить сувенир у меня? Это уже, похоже, чересчур!»

Тем не менее ей удалось удержаться от уже сложившейся фразы: «К сожалению, таких расходов администрация мне не оплачивает!» Однако он словно бы прочитал ее мысль, потому что сразу же объяснил:

– Поэтому позвольте мне сделать снимок на память. Большого я не прошу.

Зора растерялась. С таким ей сталкиваться не приходилось, и ни в одном инструктаже об этом тоже не было сказано ни слова. Но вроде бы в просьбе не заключалось ничего опасного, провокационного, даже нескромного?

– Н-ну... – протянула она, лихорадочно соображая, – я, право же, не знаю...

– Но это ведь вас ни к чему не обяжет! Заранее благодарю вас...

Она еще не была уверена, что дала согласие, а в его руке уже появилось что-то такое – наверное, небольшая камера, неизвестно откуда взявшаяся. Из обязательной сумочки, наверное, что болталась на ремешке, охватывавшем его левую кисть. Нагор на миг поднес камеру к глазам.

– Вот и все. Сердечно благодарю вас...

«Если он сейчас предложит мне продолжить вечер вместе – пошлю его подальше. Найду причину. Вежливо, но наотрез», – успела подумать она. Он же взял ее за руку, прикоснулся губами к перчатке, улыбнулся:

– Позвольте пожелать вам всего лучшего. Может быть, когда-нибудь еще увидимся.

– Прощайте, – проговорила она уже вдогонку, когда он был у выхода и швейцар распахнул перед ним дверь.

Оставалось лишь пожать плечами и забыть. На что она и надеялась. Но надежды чаще не сбываются, чем наоборот. И эта тоже не оправдалась.

Зора поняла это, когда на завтра, рано утром (она только успела сварить кофе и одета была совсем по-домашнему), входная дверь ее квартирки доложила, что явился гость по срочному делу.

Срочных дел у нее было одно-единственное: непогашенная задолженность по страховке. К счастью, она была к этому готова: вчера, еще днем, выплачивали недельный заработок. Агент явился к ней – прекрасно: не придется возиться с переводом, компьютерные расчеты всегда вызывали у нее головную боль.

– Впусти!

Дверь сработала. Зора вышла в прихожую, держа деньги наготове – и остановилась в растерянности: вместо агента там оказался вчерашний знакомец. Рик Нагор. Человек, которого она уже почти забыла, ушедший в прошлое вместе со всем вчерашним днем.

Он улыбнулся ей навстречу. Протянул объемистый пакет, с которым пришел:

– Похоже, вы еще не завтракали. Очень кстати. Здесь все, что нужно.

Такая наглость превышала все допустимые пределы, и Зора ответила крайне сухо:

– Прошу извинить, но мне пора на работу. Очень сожалею. Всего доброго.

После этого ему оставалось только извиниться и показать спину. Вместо этого он лишь покачал головой:

– Работа на сегодня отменяется. С вашим управляющим я все согласовал. Так что спешить вам некуда. Тем более что нам необходимо поговорить по серьезному делу.

«Нахал, нахал».

– Наши с вами дела закончились вчера вечером, – ответила она, заложив руки за спину – чтобы он не подумал, что она сейчас же схватит его приношение.

– Напротив, Зора, вчера они только начались.

– Боюсь, вы меня с кем-то спутали. А вчерашний вечер – с позавчерашним или еще каким-то. Я вас не приглашала и, откровенно говоря, не собиралась делать это хоть когда-либо.

– А я в этом и не сомневался. И потому пришел, как видите, сам. Зора, у меня действительно серьезное дело. Вернее, так: деловое предложение. Я вам его изложу. Если оно вам не подойдет – я уйду и тогда уже действительно больше никогда не появлюсь. Я вам все объясню не более чем за десять минут. Выслушайте – иначе вас очень долго будет терзать любопытство – станете гадать, от чего же вы отказались. Это будет неприятное и назойливое ощущение. Согласны?

Зора поймала себя на том, что с этими его словами согласна: да, любопытство – чувство очень сильное. Ну, в конце концов, выслушать – не значит согласиться. Тем более если спешить не надо...

– Вы действительно договорились с Пинтом? Ну, с нашим управляющим?

Нагор бегло глянул на часы:

– Сейчас вы в этом убедитесь.

Она не успела подумать – каким же образом, как заиграл коммик. Зора схватила трубку. Звонил Пинт. Чудеса. Никогда он не утруждал себя звонками своим сотрудницам.

– Зора? Пинт. Сегодня можешь не появляться. Твой день откуплен. Хочу предупредить: человек этот весьма серьезный, однако... ну, ты сама – взрослая девочка. Желаю удачи. Пункт.

Этим «пункт» он всегда заканчивал любые разговоры.

– Все в порядке? – спросил Нагор, с губ которого все не сходила улыбка.

Она вздохнула.

– Входите. Садитесь. Мне нужно переодеться.

– Я не спешу. Свой день я тоже выкупил.

Она молча повернулась, ушла в спальню. Постояла перед гардеробом: сначала решила было надеть обычное, повседневное служебное: строгий костюм с прямой юбкой миди, кремовая блузка со стоечкой, ни намек на декольте (хотя в этом смысле стесняться ей было нечего), тонкая цепочка, туфли на среднем каблуке. Раз уж деловой разговор, то... но в последнее мгновение передумала, сама не понимая – почему. Конечно, о вечернем, в каком он видел ее накануне, и речи быть не могло. Но поскольку она дома... Зора перебрала несколько платьев, остановилась на том, какое, как говорили изредка навещавшие ее коллеги, очень шло ей: светло-серое с серебром, в талию, с достаточно глубоким, но не нескромным вырезом: что имеем – скрывать не станем, не то он вообразит, что я его боюсь! И – каблук на десять сантиметров. Смотри, роняй слюни! Но если у тебя *это* на уме – не надейся.

Когда она, приведя себя в порядок, вышла из ванной, Нагор успел уже разобраться с пакетом – выгрузил его содержимое на стол. Увидев ее, замер на миг, покачал головой, словно глазам не веря, но слов восхищения не последовало. Да она и не ждала их, конечно.

– Зора, будьте любезны – тарелки, приборы, бокалы. Я не рискнул хозяйничать в ваше отсутствие.

Она лишь кивнула. Хотя так и подмывало улыбнуться: очень уж хорошо гость изобразил охватившую его робость; а может быть, и в самом деле опасался какой-нибудь выходки с ее стороны? Может быть, все его нахальство – не органичное, а всего лишь напускное? Во всяком случае, любопытный тип. Нет, «тип» – это уж слишком. Любопытный персонаж, скажем так. Но, в конце концов, чего же ему нужно? Откуда такой внезапный интерес к ней? Вчера ничего подобного она не ощущала, а ведь она всегда прекрасно чувствовала отношение к ней со стороны любого другого человека. Она села напротив. Слегка подняла брови:

– Итак, я готова вас выслушать.

– Не стану ходить вокруг да около. Я давно знаю Пинта, вашего менеджера. Полагаюсь на его опыт, знание и понимание людей. Я просил его рекомендовать мне женщину – такую, какая

мне нужна. Сочетающую нужную профессию с... с человеческим обликом, скажем там. Он посоветовал обратить внимание на вас. Я это сделал и пришел к выводу, что вы меня вполне устроите. Вчера вечером я в этом убедился. Не стану рассказывать вам о ваших достоинствах: вы их знаете лучше меня. Серьезных недостатков я пока не обнаружил – а, следовательно, их нет. Мелкими обладает любой из нас, но с ними следует мириться. Поэтому – предлагаю вам работу. Скажу сразу: оплачивается она на порядок выше, чем вы зарабатываете сейчас. Она легче, чем нынешнее ваше дело. Вот контракт на один год. – Он извлек из внутреннего кармана несколько сложенных листков, развернул, положил перед нею. – Тут все сказано. Прочтите внимательно и подпишите. Если с чем-то не согласны – скажите, обсудим и найдем компромисс.

В голове Зоры возникла некоторая сутолока: множество вопросов одновременно, и каждый стремился выскочить первым. Потребовалось не менее двух минут, чтобы навести в них порядок. За это время она успела прочитать написанное.

– Здесь сказано, что я должна буду жить в вашем доме. Надо думать, вы не женаты: люди семейные обычно не нуждаются в наемной женщине. Но здесь ничего не сказано о том, должна ли я буду делить с вами и постель.

– Вы внимательно прочли? Там перечислены ваши обязанности.

– Этой обязанности я не нашла.

– Вас это огорчило?

– Будь там такой пункт – вы оказались бы уже на лестнице. Но ведь и между строк всегда можно найти что-то.

– Вы нашли?

– Нет. Но, может быть, вы просто хитрее меня?

– Я ничуть не хитрю с вами, Зора. Мне нужна именно женщина. Не наложница. Не любовница. Женщина при деловом человеке.

Что такое «женщина при деловом человеке», Зора знала еще по колледжу. Как бы личная секретарша высшего ранга – такого, какой позволяет сопровождать его не только на деловые переговоры, но и, как говорится, в свете – куда берут с собою жен, если они есть, а если нет, становится нужным кто-то, кто будет и оберегать холостяка-хозяина от агрессии неустroенных дам, и кроме того по-женски влиять на нужных людей, коммерсантов, политиков, тем самым помогая в делах. Не выходя за рамки принятой морали, конечно. Женщина должна обладать шармом, а также умом, характером, проницательностью, умением распознавать людей – и при этом крайне желательно было казаться глуповатой, чтобы не вызывать к себе настороженного отношения. Зора с сестрой недаром окончили, даже с отличием, Марианский колледж, где юным девицам объясняли, как следует жить, чтобы устроиться в мире с максимальным комфортом (подобно тому, как смогла некогда тихоня Мария, ухитрившаяся соблазнить самого Господа – так острили преподаватели-мужчины, когда не слышало начальство), и видела, что все требования, что контракт предъявлял ей, были ей вполне по силам, а платить действительно обещали кучу денег. Единственное, во что ей не верилось, – это в то, что наниматель действительно не станет залезать ей под юбку. Куда же он денется! Если он, конечно, нормален – но похоже, что с этим у него все было в порядке, глаза выдавали его. Однако вряд ли этого стоило пугаться заранее. Если ему так уж захочется – тогда и придет время разговаривать об условиях ее покорности. А силы она не боялась: способам защиты в колледже тоже обучали не в последнюю очередь, да и потом, в школе психооператоров, тоже.

– Здесь только один экземпляр? – спросила она, все прочие вопросы решив не задавать.

– Вот второй. Вы решили?

Вместо ответа она подписала оба экземпляра.

– Когда начинать?

– Сейчас. Я помогу вам собрать вещи.

- Сидите. Я привыкла справляться сама.
- Будь по-вашему. Справляйтесь сами.

7

Неро, морг Департамента покоя, ночь с 13 на 14 меркурия

Людам – и даже не одним только специалистам – давно известно, что отсутствие внешних признаков жизни у существа вовсе еще не означает присутствия факта смерти; мало того – нет точного и всеми признанного определения печального события и момента его наступления. Поэтому, во избежание ошибок, какими история медицины весьма богата, с некоторых пор сперва на Теллусе и Армаге, а затем, постепенно, и в других обитаемых мирах – следовательно, и на Неро – принято было не спешить с захоронением тела. Даже в холодильник оно попадало не сразу, но лишь после того, как можно было с уверенностью констатировать наличие необратимых изменений. Так что в описываемое время каждый морг – и Службы покоя в том числе – кроме традиционного холодильника оборудовался еще и помещением, которое на профессиональном жаргоне носило разные наименования: одни называли его «чистилищем», другие – «предсмертником». И по этой причине тело Лена Казуса во время собеседования Смирса с подозреваемой находилось в камере предварительной выдержки (это – официальное название), а вовсе не на льду, и предстояло ему там пробыть еще не менее двух суток. Хотя это и не всем нравилось; похоже, кому-то не терпелось поскорее предать тело, как и полагается, огню, чтобы затем урну с прахом водворить туда, где уже находилось немало таких же, напоминавших о безвременно ушедших работниках Системы. Но служители морга были людьми весьма консервативными и очень уравновешенными, напугать их, как и вообще людей, близко соприкасающихся со смертью, было нелегко, правила они знали назубок и достаточно скрупулезно их выполняли – и потому Лен Казус до сих пор находился в предбаннике, где было достаточно тепло, и лежал он не в мешке, а на подстилке, хотя и тонкой, и накрыт был пусть и с головой, но всего лишь простынкой, которую в любой миг можно было без труда отдернуть или вовсе снять и в очередной раз внимательно обследовать предполагаемого покойника.

Однако держать в этом помещении постоянного дежурного, который смог бы вовремя заметить малейший признак жизни, подаваемый телом, было бы чересчур расточительным действием: откровенно говоря, такое возвращение к жизни было явлением очень и очень редким, а если быть совершенно точным – то за время существования этого учреждения подобный случай был зафиксирован лишь однажды – да и то никто тогда всерьез не верил, что человек этот умер, было признано, что он в коме, и, по совести говоря, его следовало положить на койку в нормальной палате. Но произошло это в пору, когда на Неро гуляла очередная эпидемия «розовой чумы», как здесь неофициально именовали местную разновидность гриппа, вопреки всем предосторожностям исправно переселявшегося вместе с людьми в каждый новый заселяемый мир; почему именно «розовой», никто так и не смог объяснить. Так что положить коматозника в клинику не смогли за неимением места, и его поместили именно сюда, поскольку протестовать он был не в состоянии. В общем, когда он пришел в себя, это было воспринято как должное. Тем не менее, на случай, если что-то подобное все-таки когда-нибудь произойдет, каждое место в предсмертнике было оборудовано сигнализацией, так что стоило любому из вылеживаемых тел не то что двинуться, но сердцу его сократиться единственный раз, это было бы уловлено, преобразовано в сигнал, дежурный патанатом, если бы даже он дремал среди ночи, оказался бы поднятым на ноги и заспешил к нарушителю покоя, вовсе не подумав, что это всего лишь какая-то случайная муха села на простыню и тем самым подняла тревогу. Люди в этой службе обладали, как уже говорилось, высоким чувством ответственности.

Сегодня же дежурный врач не спал, а исправно бодрствовал, хотя и был разгар ночи, когда постоянно молчавший сигнал вдруг действительно зазвучал, и не каким-нибудь едва уловимым звяком, а зазвонил уверенно и протяжно, а на одном из дисплеев скучная прямая так же неожиданно вздыбилась и принялась вырисовывать кривые. Осознав эти признаки, доктор

не испугался и даже не очень удивился. Потому что все понимали, что рано или поздно эта штука все-таки сработает, и чем дольше она молчала, тем выше становилась вероятность того, что это случится скоро. Вот и случилось. На месте номер восемь возникли признаки жизни. И доктор Мак Сирон – так его звали – почувствовал себя примерно как матрос, что после бесконечного и безрезультатного плавания из своего «вороньего гнезда» увидел на горизонте нечто неподвижное и набрал в легкие побольше воздуха, чтобы заорать на весь океан: «Земля!»

Правда, орать доктор Сирон не стал, поскольку такого действия не предусматривалось. Зато все, что полагалось по инструкции, он сделал: прежде чем броситься к источнику сигнала, одним нажатием клавиши вытащил на монитор историю болезни номера восьмого: ее следовало знать, чтобы сразу же взять с собой к больному (теперь это был уже больной, а не «тело») те средства, которые могли в первую очередь понадобиться, чтобы закрепить происходящее и не позволить воскресшему вновь ускользнуть туда, где он только что был – или, во всяком случае, уже стоял у входа. Чтобы пробежать диагноз глазами, врачу достаточно было нескольких секунд – но на самом деле ему понадобилось несколько больше. И на то были свои причины.

Диагноз был: «Пулевое ранение, нанесшее повреждения, не совместимые с жизнью». Однако характер повреждений не перечислялся – по той причине, что заполнить эту рубрику стало бы возможным после вскрытия, а оно могло быть произведено только после выдержки здесь, когда факт смерти будет окончательно установлен. Пока сообщалось лишь, что ранение сквозное. Возникшая на компьютере схема показывала предварительно установленную траекторию прохождения пули сквозь ткани. Тем не менее именно эта схема стала первой причиной того, что доктор Сирон задержался у своего пульта на несколько секунд. Первой, но не единственной; вторая же причина заключалась в том, что на схеме, как и полагалось, кроме номера места было обозначено и имя человека, которому тело принадлежало; и это имя было доктору очень хорошо знакомо, и прочитанное никак не оставило его равнодушным.

Дело в том, что старший вызнатель Лен Казус и патологоанатом Мак Сирон были – ну, не сказать, чтобы друзьями, но во всяком случае давними и хорошими приятелями. Вскоре после их знакомства (а случилось оно немало лет тому назад, когда оба только еще начинали работать в службе в Системе покоя и впервые встретились по делу) они сблизились на том основании, что и их взгляды на жизнь, и ее понимание, и вкусы, пристрастия и антипатии если и не совпадали до мелочей, то во всяком случае в основном были одними и теми же. Начиная с того, что оба были людьми одинокими, не испытывавшими потребности в постоянном спутнике жизни, то есть имеется в виду, конечно, спутница. Оба любили одни и те же напитки – и кофе, и то, что покрепче. Терпеть не могли на досуге разговаривать на служебные темы, полагая, что для этого хватает и оплачиваемого казной времени. Увлекались оперой (хотя на Неро пока еще приходилось довольствоваться главным образом записями, национальное оперное искусство пребывало тут пока в зародышевой стадии – определение принадлежит, как вы понимаете, Сирону) и от души презирали музыку эстрадную, которой на Неро звучало куда больше. Казус не раз говорил, что когда он испытывает потребность в таких звуках, он отправляется в служебный тир, где слышно очень похожее, но там каждый звук имеет хотя бы определенный смысл. Наконец оба любили поспать по возможности подольше, и еще – с удовольствием проводили время за шахматами, причем оба играли достаточно плохо – но другие и этого не умели.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что доктор Сирон, едва разобравшись с фамилией кандидата в покойники, заспешил к восьмому лежаку не только потому, что таков был его служебный долг.

8

Неро, Дом признаний, ночь с 13 на 14 меркурия

И снова Зору одолели мысли о нынешнем и будущем.

Хорошо, если ее будущее окажется таким, каким рисовалось в минувший день, после тихой, наедине, свадьбы. А вдруг нет? Сможет ли она пользоваться тем, что после Рика осталось? Если не сможет, куда пойдет, когда ее выпустят? Позволят ли еще какое-то время пожить в прекрасном жилище Рика – да и ее тоже, тоже! – пока она не найдет чего-нибудь другого? Завещания он наверняка не составлял, брачное свидетельство должно быть – но в доме там хозяйничало столько посторонних, неизвестно еще, что там после них осталось, может быть, даже винчестер вынули и унесли. И разрешат ли, если придется уходить оттуда, взять с собой все то хотя бы, что, по ее мнению, ей принадлежало: за время их сожителства Рик дарил ей или просто покупал для нее множество вещей – и одежду, и ценности. Все это, вместе взятое, должно было, по представлениям Зоры, помочь ей продержаться, пока она не найдет жилья по средствам – и, конечно, снова какой-то работы, заработка, чтобы жить спокойно и, главное, независимо. В компании появится новый президент, и если ему и понадобится помощница, то он наверняка приведет другую. Да ей и не хотелось думать о каком-то другом мужчине, о чьей-то широкой спине, за которой можно будет вновь укрыться. Может быть, конечно, потом, когда время пройдет и горечь потери сгладится... Может быть. Но не обязательно. И очень уместным будет сейчас, – так Зоре представлялось, какое-то время жить независимо. А что такая жизнь будет достаточно трудной – ее не очень смущало: к бедности она привыкла куда больше, чем к достатку, и хотя ее не любила – а кто ее любит? – но еще какое-то время мириться с ней была готова.

Словом, Зора настраивалась на жизнь бедную, но честную – вплоть до лучших времен, которые, как свидетельствовал и ее собственный опыт, наступают, как правило, тогда, когда их ждешь меньше всего, и оказываются тем лучше, чем меньше их ожидали. Из такого хода ее мыслей можно сделать вывод, что психика Зоры была весьма устойчивой, и это позволяло ей быстро приходить в себя даже при серьезных неприятностях – а это является непременным условием прежде всего выживания, а затем и успеха. На это она, похоже, едва успев собраться с мыслями, уже начала рассчитывать.

Так что когда в коридоре слышались шаги сразу, самое малое, двух человек, стихшие по ту сторону двери камеры, в которой Зора ждала дальнейшего развития событий, она подняла голову, чтобы встретить любого, кто бы ни вошел, не напуганной и готовой на любые уступки, но спокойной и уверенной в своей правоте женщиной – и, что весьма важно, красивой женщиной, если и не женой (ныне вдовой) известного делового человека – этого они пока могут и не знать, – то его официальной спутницей. А это очень, повторяем – очень высокий статус, потому что его нельзя добиться связями или деньгами, но лишь своими личными качествами, выделяющими такую женщину из множества (всегда) других кандидаток. Она почувствовала себя готовой к схватке – если, конечно, что-то подобное понадобится. Ведь и раньше бывало...

(«Правильно я думаю, правильно! – с удовлетворением поняла она. – И если даже они меня в этот миг зондируют – все верно!»)

Такие вот мысли мелькали в ее сознании – но не задерживались там и никак не отражались ни на ее лице, менявшем выражение как бы произвольно, ни на движениях рук, в особенности пальцев, которые не дрожали, не сжимались в кулаки и не выстукивали дробь на коленях. Зоре не полагалось думать, что за нею сейчас кто-то может наблюдать, это ей и в голову не имело права прийти – по той простой причине, что под арестом она находилась впервые в жизни, и даже с людьми, обладавшими таким опытом, ей раньше общаться не случалось.

Поэтому Зора, как показалось бы любому, не следила ни за своим лицом, ни за движениями, занятая только собой, но не окружавшей ее обстановкой.

На самом же деле наблюдение велось, и не только наблюдение, но и зондирование, а также запись; не потому, чтобы она представляла для Службы покоя какой-то особый интерес, но по той причине, что такой режим применялся к каждому, попадавшему в камеры предварительного заключения Дома признаний. Каждая деталь поведения арестанта фиксировалась, и в зависимости от этих наблюдений вырабатывалась тактика предстоящих допросов и вообще отношений, какой будет придерживаться следователь. Поэтому человек опытный с первого же мгновения начинал играть такую роль, какая казалась ему предпочтительной, принимался лепить свой образ таким, каким хотел. Зора же, вроде бы не просвещенная по этой части и оставленная в одиночестве именно для того, чтобы никто не успел ее просветить, вела себя так, как было для нее естественно. И тем самым, казалось, неосознанно помогала тем, кого следует, наверное, назвать ее процессуальными противниками.

9

Неро, Дом признаний, ночь с 13 на 14 меркурия

Двое из этих предполагаемых противников сейчас как раз и занимались тем, что во все глаза смотрели на нее, стараясь не пропустить мимо внимания ни единого ее движения, ни единой гримаски или взгляда. Правда, условия для наблюдения были не самыми выгодными, потому что Зора, случайно или нет, сидела так, что они видели ее в основном с тыла – а по выражению спины редко удастся разобрать какие-то нюансы поведения. Так что в конце концов один из наблюдателей раздраженно проговорил:

– Послушайте, вы не можете повернуть ее так, чтобы стало видно лицо? Отсюда я могу лишь установить, что у нее неплохая фигурка, но как раз это в данном случае роли не играет.

– Хотите, чтобы она поняла, что ее просматривают?

– Не говорите глупостей.

– Гм. Попытаюсь.

– Объясните, как.

– Попробую включить экран. Чтобы увидеть, ей придется повернуться. А в ее положении всякое разнообразие привлекает.

Так и получилось: Зора повернулась, даже, может быть, неосознанно, на вдруг раздавшиеся звуки: показывали какой-то сериал.

– Так хорошо?

– Не совсем. Лицо в тени. Нельзя ли направить свет?

– Так мы делаем при допросах. Она поймет и сразу замкнется. Я бы не советовал.

– Ладно, оставьте пока так.

Замечали они все, кроме лица, прекрасно, воспринимали все так, словно находились в той же камере – там, где Зора видела только глухую стену. Не менее часа провели в молчании – не потому, конечно, что боялись быть кем-то услышанными, но просто накапливали впечатления от увиденного, составляли каждый свое представление о наблюдаемой женщине. И лишь когда мнения закончили формироваться, оба взглянули друг на друга, один – вызываватель Смирс, замещавший сейчас и здесь старшего вызывателя Лена Казуса, работавшего, как предполагалось, по своему плану, – посмотрел вопросительно, второй же, уже знакомый нам как мастер ситуаций Рогнед, проговорил:

– Скажите, а она давно тут, на Неро?

– По нашим данным – выезжала только на учебу, в Армаг. Вернулась что-то года два с лишним тому назад.

– Вот как. А когда началась ее связь с Нагором?

– Почти год.

– И более не отлучалась?

– Почему же, выезжала с ним – как сопровождавшее лицо. На два, три, четыре дня...

А что?

– Да нет, так. Почудилось. Ну что же, советник был прав – эту, пожалуй, удастся обработать нужным образом и отправить по назначению. И с делом она справится: чувствуются неплохие задатки. Не удивлюсь, если выдержит и целый год. Если я прав, установит даже своего рода рекорд.

– Произвела впечатление? – Смирс улыбнулся, скорее вежливо, чем искренне. – Откровенно говоря, на меня тоже. У покойника был вкус, вам не кажется?

– Возникает желание? – усмехнулся гость. – Когда мы сможем получить ее? Предпочтительно – не в худшем виде, чем она сейчас.

Если Рогнед ожидал при этом незамедлительного согласия, то ему пришлось пережить некоторое разочарование, потому что вместо утвердительного кивка Смирс покачал головой:

– Боюсь, что это пустой номер.

– Не понял.

– Она задержана, по сути, только для проформы. Доказательства очень шаткие. Казуса они не убеждают, и он роет. Казуса вы знаете?

– Нет, – медленно проговорил гость. – Казуса я не знаю. Но уже здесь, в этом доме, пока ждал вас, услышал мельком, что с ним что-то стряслось.

– Что вы хотите сказать? – нахмурился визнаватель.

– Только то, что рыть он больше не будет. Так уж сложились обстоятельства. Примите мои соболезнования: я всегда испытываю печаль, когда уходит кто-то из хороших работников. Кстати, разбираться в этом происшествии предложат, возможно, вам, но не думаю, что вы сможете добиться успеха: судя по тому, что я слышал, его успокоили вполне профессионально. Так что не спешите соглашаться. Зато, заменив его в расследовании убийства Рика Нагора, вы, я полагаю, сумеете сшить красивое дело – и сделаете это достаточно быстро. Уверяю: вам не придется жалеть об этом.

– Следует ли это понимать так, что Лен Казус...

– О нем, друг мой, отныне или хорошо, или ничего.

– Вот как?..

– Даю вам слово: я к этому отношения не имею. Но кто-то подсуетился. Минуту молчания отложим на потом, согласны? Сейчас у меня нет времени на ритуалы. Эта женщина нам нужна, самое позднее, через два дня на третий.

Офицер Смирс вздохнул. Пожал плечами:

– Невозможно. В суде дела не проходят так быстро. Даже если я закончу следствие и наскребу что-нибудь для суда, хотя и в этом есть сомнения...

– Оставьте их при себе. Почему вы решили, что дело обязательно нужно доводить до суда?

– Потому что, – ответил визнаватель – это единственный способ, принятый для...

– Чушь. Для вас главное – не суд убедить, но эту женщину уверить в том, что ее дело проиграно заранее и бесповоротно. Вам нужны доказательства не для суда, но для этой девушки – чтобы она поверила! Потому что, поверив, она ухватится за любую возможность исчезнуть до вынесения приговора. И такая возможность у нее возникнет. Вы сами ей подскажите, хотя и не открытым текстом, конечно. Да не мне вас учить, как это делается. И она ускользнет. Так что суду не придется тратить на нее свое время. У них дел и так выше головы.

– Интересно, – сказал Смирс неприязненно. – По-вашему, если моя подследственная сбежит, это благоприятно подействует на мое продолжение службы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.